

Собрание стихотворений. Том 3. Восхождения. Змеиные очи. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://sologubfyodor.ru/> Приятного чтения!

Собрание стихотворений. Том 3. Восхождения. Змеиные очи. Фёдор Сологуб

Восхождения

От автора

В душе лирического поэта живут две родственные силы, устремляющие его к достижениям, которые только для неглубокого понимания кажутся противоположными. Одна из этих сил побуждает его открыть свою душу с наибольшей искренностью и выразить её возможно отчетливее. Повинуясь этому побуждению, всё строже и настойчивее испытывешь тёмные глубины бытия и открываешь много неожиданного; явственны становятся черты, совершенно не сходные с чертами той маски, которую каждый из нас носит для света. Словно проник в забытые, замкнутые заржавелыми замками подвалы старого замка и перебираешь древние вещи, оставленные давно отшедшими от нас предками. Всё глубже, глубже, – в тишине и мраке звучат таинственные голоса, сливаясь в один предвещательный гул. В последней тьме, за которую Единая таится Воля, различаешь мерцание, исходящее от неведомого Лица.

Обозрев многие свои забытые маски, душа лирического поэта сознаёт свою многосложность и родство своё с множеством. Тогда отдается она другой своей силе, устремляется к сочувствиям и перевоплощениям, и жаждет без конца расширять бытие. Рожденная не в первый раз, она легко сочувствует, радуется и печалится со многими и охотно облекается в многообразные личины. Голоса толпы и множеств сливаются для неё в стройные хоры, и в сиянии широких светов, за которыми Единая таится Воля, возникает перед нею снова таинственный свет, от неведомого исходящий Лица.

Свершив свой круг, пламенеет, умирает и из пепла возникает опять.

Ещё два слова о внешнем, о временах. В этой книге собраны некоторые из стихотворений, написанных в 1899–1906 годах, и те из написанных раньше, которые к ним подходят по настроениям.

Март 1910 год

«Суровый звук моих стихов...»

Суровый звук моих стихов –
Печальный отзвук дальной речи.

Не ты ль мои склоняешь плечи,
О, вдохновенье горьких слов?

Во мгле почиет день туманный,
Воздвигся мир вокруг стеной,

И нет пути передо мной
К стране, вотще обетованной.

И только звук, неясный звук

Порой доносится оттуда,

Но в долгом ожиданьи чуда

Забуть ли горечь долгих мук!

Пленённые звери

□□Мы – пленённые звери,

□□Голосим, как умеем.

□□Глухо заперты двери,

□□Мы открыть их не смеем.

Если сердце преданиям верно,

Утешаясь лаем, мы лаем.

Что в зверинце зловонно и скверно,

Мы забыли давно, мы не знаем.

К повторениям сердце привычно, –

Однозвучно и скучно кукуем.

Всё в зверинце безлично, обычно.

Мы о воле давно не тоскуем.

□□Мы – пленённые звери,

□□Голосим, как умеем.

□□Глухо заперты двери,

□□Мы открыть их не смеем.

Царица красоты

В недосыгаемом чертоге

Жила Царица красоты,
И с нею были только боги
И легкокрылые мечты.
Озарена святым блаженством,
И безмятежна, и ясна,
Невозмутимым совершенством
Сияла радостно она.
Легко сотканые одежды
Едва касались нежных плеч.
Отрадным веяньем надежды
Приветная звучала речь,
И только лёгкие мечтанья
К ней возносились от земли,
А люди, бранные созданья,
Её достигнуть не могли.
Катилось кроткое светило
Над тихим плеском горних рек,
Дневное ж солнце не всходило
Над миром радостным вовек.
Но злой Дракон, кующий стрелы,
Свою и здесь насытил злость.
Однажды в дивные пределы
Вступил нежданный, странный гость.
Смотрел он дико и сурово,
Одежда вся была в пыли.
Он произнёс земное слово,
Повеял запахом земли,
И пред Царицею смущённой,
Охвачен вихрем злых тревог,
Мольбами страсти исступлённой
Он огласил её чертог.
Смутились радостные боги,
Померкли светлые мечты,
Всё стало призрачно в чертоге
Царицы дивной красоты, –
И в тяжкой муке отвращенья
Вкусила смерть Царица грёз,
И Змей в безумстве злого мщенья
Свой лик пылающий вознёс.
Елисавета
Елисавета, Елисавета,
□□Приди ко мне!
Я умираю, Елисавета,
□□Я весь в огне.
Но нет ответа, мне нет ответа
□□На страстный зов.
В стране далёкой Елисавета,
□□В стране отцов.
Её могила, её могила
□□В краю ином.
Она скончалась. Её могила –
□□Ревнивый дом.
Победа смерти не победила
□□Любви моей.
Сильна могила, её могила. –
□□Любовь сильней.
Елисавета, Елисавета,
□□Приди ко мне!
Я умираю, Елисавета,
□□Я весь в огне
Слова завета, слова завета
□□Не нам забыть.
С тобою вместе, Елисавета,
□□Нам надо быть.
Расторгнуть бремя, расторгнуть бремя
□□Пора пришла.
Земное злое растает бремя,
□□Как сон, как мгла.

Земное бремя, – пространство, время
□□Мгновенный дым.
Земное, злое расторгнем бремя,
□□И победим!
Елисавета, Елисавета,
□□Приди ко мне.
Я умираю, Елисавета,
□□Я весь в огне.
Тебя я встречу в блистаньи света,
□□Любовь моя.
Мы будем вместе, Елисавета,
□□И ты, и я.
Окно ночное
Весь дом покоен, и лишь одно
Окно ночное озарено.
То не лампадный отрадный свет:
Там нет отрады, и сна там нет.
Больной, быть может, проснулся вдруг,
И снова гложет его недуг.
Или, разлуке обречена,
В жестоких муках не спит жена.
Иль, смерть по воле готов призвать,
Бедняк бездольный не смеет спать.
Над милым прахом, быть может, мать
В тоске и страхе пришла рыдать.
Иль скорбь иная зажгла огни.
О злая, злая! к чему они?
«Струясь вдоль нивы, мёртвая вода...»
Струясь вдоль нивы, мёртвая вода
Звала меня к последнему забвению.
Я пас тогда ослиные стада,
И похвалялся их тяжёлой прытью.
Порой я сам, вскочивши на осла,
Трусил рысцой, не обгоняя стада,
И робко ждал, чтоб ночь моя сошла
И на поля повеяла прохлада.
Сырой песок покорно был готов
Отпечатлеть ослиные копыта,
И мёртвый ключ у плоских берегов
Журчал о том, что вечной мглой закрыто.
«Затхлый запах старых книг...»
Затхлый запах старых книг
Оживил в душе бывшее,
В злой тоске пережитое,
В тихом звяканьи вериг.
Дни, когда смиренный инок,
В келье тесной, близ икон,
Я молился, окружён
Тучей пляшущих пылинок,
И славянскую печать –
Прихотливые узоры –
Отуманенные взоры
Ухищрялись разбирать.
Сон («Печальный отрок с чёрными глазами...»)
Печальный отрок с чёрными глазами
Передо мной стоял и говорил:
«Взгляните, этими руками
□□Я человека задушил.
Он захрипел, и что-то вдруг сломалось
Там, в горле у него, – и он упал.
□□То не вина иль злая шалость
□□Была – я маму защищал.
С кинжалом влез в открытое окошко
Он ночью, маму он зарезать мог, –
□□Но я подкрался, точно кошка,
□□И мигом сбил злодея с ног».
Он говорил и весь горел тоскою.
В его душе гнезвился тёмный страх.

□□Сверкало близкою грозою
□□Безумство у него в глазах.
Докука-ворог
На нем изношенный кафтан
□□И шапка колпаком,
Но весь он зыбкий, как туман,
□□И нет лица на нём.
Не слышно голоса его,
□□Не видно рук и ног,
И он ступить ни у кого
□□Не смеет на порог.
Не подойдёт и не пройдёт
□□Открыто впереди, –
Он за углом в потёмках ждёт,
□□Бежит он позади,
Его никак не отогнать,
□□Ни словом, ни рукой.
Он будет прыгать да плясать
□□Беззвучно за спиной.
Ландыш пленительный
Ты дорогой шла пустынной,
Где в лесу синела мгла.
Ландыш белый и невинный
Ты зачем-то сорвала.
И зачем его сжимала
И над ним дышала ты,
Я не понял, – разве мало
Созерцанья красоты?
Или в грудь свежее льётся
Воздух, сквозь цветы струясь?
Иль мечтою создаётся
С зельем родственная связь?
Нет, другое что-то было
Для тебя в цветке твоём,
И тебя к нему манило
Что-то сладостное в нём.
И в забвении суровом
Я не знал, чем ландыш мил,
И каким соблазном новым
Он мечты твои пленил.
Волшебница Лилит
Я был один в моём раю,
И кто-то звал меня Адамом.
Цветы хвалили плоть мою
Первоначальным фимиамом.
И первозданное зверьё,
Теснясь вокруг меня, на тело
Ещё невинное моё
С любовью дикою глядело.
У ног моих журчал ручей,
Спеша лобзать стопы нагие,
И отражения очей
Мне улыбались, благие.
Когда ступени горных плит
Роса вечерняя кропила,
Ко мне волшебница Лилит
Стезёй лазурной приходила.
И вся она была легка,
Как тихий сон, – как сон безгрешна,
И речь её была сладка,
Как нежный смех, – как смех утешна.
И не желать бы мне иной!
Но я под сенью злого древа
Заснул... проснулся, – предо мной
Стояла и смеялась Ева...
Когда померк лазурный день,
Когда заря к морям склонилась,
Моя Лилит прошла как тень,

Прошла, ушла, – навеки скрылась.

Злая ведьма

Злая ведьма чашу яда
Подаёт, – и шепчет мне:

«Есть великая отрада
В затаённом там огне.
Если ты боишься боли,
Чашу дивную разлей, –
Не боишься? так по воле
Пей её или не пей.

Будут боли, вопли, корчи,
Но не бойся, не умрёшь,
Не оставит даже порчи
Изнурительная дрожь.

Встанешь с пола худ и зелен
Под конец другого дня.
В путь пойдёшь, который велен
Духом скрытого огня.

Кое-что умрёт, конечно,
У тебя внутри, – так что ж?

Что имеешь, ты навечно
Всё равно не сбережешь.

Но зато смертельным ядом
Весь пропитан, будешь ты
Поражать змеиным взглядом
Неразумные цветы.

Будешь мёртвыми устами
Ты метать потоки стрел,
И широкими путями

Умертвлять ничтожность дел».

Так, смеясь над чашей яда,

Злая ведьма шепчет мне,
Что бессмертная отрада
Есть в отравленном огне.

Собака седого короля
Когда я был собакой

Седого короля,
Ко мне ласкался всякий,
Мой верный нрав хваля.

Но важные вельможи
Противно пахли так.
Как будто клочья кожи,
Негодной для собак.

И дамы пахли кисло,
Терзая чуткий нос,
Как будто бы повисла
С их плеч гирлянда роз.

Я часто скалил зубы,
Ворча на этих шлюх.
И мы, собаки, грубы.
Когда страдает нюх.

Кому служил я верно.
То был король один.
Он пахнул тоже скверно,
Но он был властелин.

Я с ним и ночью влажной,
И в пыльном шуме дня.

Он часто с лаской важной
Похваливал меня.
Один лишь паж румяный,
Весёлый мальчуган,

Твердил, что я – поганый
Ворчун и грубиян.
Но, мальчику прощая,
Я был с ним очень прост,

И часто он, играя,
Хватал меня за хвост.
На всех рыча мятежно,

Пред ним смирял я злость.
Он пахнул очень нежно,
Как с мозгом жирным кость.
Людьми нередко руган,
Он всё ж со мной шалил,
И раз весьма испуган
Мальчишкою я был.
Опасную игрушку
Придумал навязать
Он мне на хвост: гремушку,
Способную пылать.
Дремал я у престола,
Где восседал король,
И вдруг воспрянул с пола,
В хвосте почуяв боль.
Хвостом косматым пламя
Восставил я, дрожа,
Как огненное знамя
Большого мятежа.
Я громко выл и лаял,
Носясь быстрее коня.
Совсем меня измаял
Злой треск и блеск огня.
Придворные нашлись, –
Гремушка вмиг снята,
И дамы занялись
Лечением хвоста.
Король смеялся очень
На эту дурь и блажь,
А всё-таки пощёчин
Дождался милый паж.
Прибили так, без гнева,
И плакал он шутя, –
Притом же королева
Была совсем дитя.
Давно всё это было,
И минуло давно.
Что пахло, что дразнило,
Давно погребено.
Удел безмерно грустный
Собакам бедным дан, –
И запах самый вкусный
Исчезнет, как обман.
Ну вот, живу я паки,
Но тошен белый свет:
Во мне душа собаки,
Чутья же вовсе нет.
«Высока луна Господня...»
Высока луна Господня.
□□Тяжко мне.
Истомилась я сегодня
□□В тишине.
Ни одна вокруг не лает
□□Из подруг.
Скучно, страшно замирает
□□Всё вокруг.
В ясных улицах так пусто,
□□Так мертво.
Не слышать шагов, ни хруста,
□□Ничего.
Землю нюхая в тревоге,
□□Жду я бед.
Слабо пахнет по дороге
□□Чей-то след.
Никого нигде не будит
□□Быстрый шаг.
Жданный путник, кто ж он будет, –
□□Друг иль враг?

Под холодной луною

□□Я одна.

Нет, невмочь мне, – я завою

□□У окна.

Высока луна Господня,

□□Высока.

Грусть томит меня сегодня

□□И тоска.

Просыпайтесь, нарушайте

□□Тишину.

Сестры, сестры! войте, лайте

□□На луну!

«В тихий вечер, на распутьи двух дорог...»

В тихий вечер, на распутьи двух дорог

Я колдунью молодую подстерёг,

И во имя всех проклятых вражьих сил

У колдуньи талисмана я просил.

Предо мной она стояла, чуть жива,

И шептала чародейные слова,

И искала талисмана в тихой мгле,

И нашла багряный камень на земле,

И сказала: «Этот камень ты возьмёшь, –

С ним не бойся, – не захочешь, не умрёшь.

Этот камень всё на шее ты носи,

И другого талисмана не проси.

Не для счастья, иль удачи, иль венца, –

Только жить, всё жить ты будешь без конца.

Станет скучно, – ты верёвку оборвёшь,

Бросишь камень, станешь волен, и умрёшь».

«Я сжечь её хотел, колдунью злую...»

Но у неё нашлись проклятые слова, –

Я увидел её опять живую, –

Вся в пламени и в искрах голова.

И говорит она: «Я не сгорела, –

Восстановил огонь мою красу.

Огнём упитанное тело

Я от костра к волшебству унесу.

Перебегая, гаснет пламя в складках

Моих магических одежд.

Безумен ты! В моих загадках

Ты не найдёшь своих надежд».

«В лесу живет проказник неуёмный...»

В лесу живет проказник неуёмный,

□□□□Малютка Зой.

Насмешливый, он прячется в укромной

□□□□Глуши лесной.

На нём надет кафтанишко, плетённый

□□□□Из трав лесных,

По ветру кудри вьются, и зелёный

□□□□Колпак на них.

На молвь людей он любит откликаться

□□□□В тиши лесной,

Но им в глаза не смеет показаться

□□□□Малютка Зой.

«Я уведу тебя далёко...»

Я уведу тебя далёко

От шумных, тесных городов.

Где в многолюдстве одиноко,

Где рабство низменных трудов.

Уйдём к долине безмятежной

На берега пустынных вод.

Когда свершится неизбежный

Звезды таинственный восход.

И там, на берегу потока,

Под лёгкий лепет камыша,

От тёмной суеты далёко,

Прохладой свежую дыша,

Там, на путях очарованья
В безмолвный час поймёшь и ты
Неотразимые призыванья
Миры объемлющей мечты.
«Где безбрежный океан...»
Где безбрежный океан,
Где одни лишь плещут волны,
Где не ходят чёлны, –
Там есть фея Кисиман.
На волнах она лежит,
Нежась и качаясь,
Плещет, блещет, говорит, –
С нею фея Атимаис.
Атимаис, Кисиман –
Две лазоревые феи.
Их ласкает океан.
Эти феи – ворожеи.
К берегам несёт волну,
Колыхаясь, забавляясь,
Ворожащая луну
Злая фея Атимаис.
Пенит гневный океан,
Кораблям ломая донья,
Злая фея Кисиман,
Ворожащая спросонья.
Злые феи – две сестры –
Притворяться не умеют.
Бойся в море злой поры,
Если обе чары деют.
«Цветёт весёлый сад...»
Цветёт весёлый сад
В безмолвии ограды.
Увидеть нежный взгляд
Кусты и птицы рады.
С высокого крыльца
Походкою царицы
Несёт она зарницы
Над розами лица.
Как сказка голубая,
Ушла от ярких в тень,
Рукою нагибая
Коварную сирень.
Сиреневые сказки
Понятней, чем слова.
Кружится голова,
И руки жаждут ласки.
Она идёт в поля,
Шумят её одежды.
Угретая земля
Цветёт в лучах надежды,
И зелень влажных трав
Под жгучей лаской змия, –
О сладости благие
Развеянных отрав!
Идёт к реке весёлой,
По мягким берегам.
Развейся, зной тяжёлый,
По долам, по лугам!
Истома грёз и лени
В одеждах на песке,
И тихий смех в реке,
Лобзающей колени.
Но только злой дракон
На тело смотрит сонный,
А где же, где же он,
Желанный и влюблённый?
Опять идти одной,
Закутанной в одежды,

Сквозь яркие надежды
В истомный, томный зной.
«Луны безгрешное сиянье...»
Луны безгрешное сиянье,
Бесстрастный сон немых дубрав,
И в поле мгlistом волхвованье,
□□Шептанье трав...
Сошлись полночные дороги.
На перекрёстке я опять, –
Но к вам ли, демоны и боги,
□□Хочу воззвать?
Под непорочную луну
Внимая чуткой тишине,
Всё, что предстало предо мною,
□□Зову ко мне.
Мелькает белая рубаха, –
И по траве, как снег бледна,
Дрожа от радостного страха,
□□Идёт она.
Я не хочу её объятий,
Я ненавижу прелесть жён,
Я властью неземных заклятий
□□Заворожён.
Но говорит мне ведьма: «Снова
Вещаю тайну бытия.
И нет и не было Иного, –
□□Но я – Твоя.
Сгорали демоны и боги,
Но я с Тобой всегда была
Там, где встречались две дороги
□□Добра и зла».
Упала белая рубаха,
И предо мной, обнажена,
Дрожа от страсти и от страха,
□□Стоит она.
«Наряд зелёный не идёт...»
Наряд зелёный не идёт, –
Весенний цвет, – к моей печали.
Ареной горя и забот
Меня всё те же кони мчали,
От ожиданий голубых
К моим отчаяниям белым,
От расцветаний молодых
К плодам увядшим, но не зрелым.
Бег прерывался только там,
Где всё томится в свете жёлтом,
Где беды зреют по полям,
А счастье за надёжным болтом.
Гляжу, – ристалища вдруг нет, –
Стоит чертог передо мною,
А в нём и музыка, и свет,
И люди движутся толпою.
Печаль моя в нём расцвела, –
Ей платье жёлтое пристало, –
Она, роскошна и светла,
Царицей в том чертоге стала.
На бале были чудеса!
В груди моей кипели силы, –
Печали яркая краса
Ласкала ласкою могилы.
Но не устал возница мой,
Ещё мерцает даль за далью,
И мы опять летим домой
С моей венчанною печалью.
Опять рядиться надо ей,
На выбор, – всех цветов наряды.
Наряд зелёный всех больней, –
Ему все счастливы и рады...

«Не надейся на силу чудесную...»
Не надейся на силу чудесную
Призорочной черты, –
Покорила я ширь поднебесную,
Одолеешь ли ты?
Я широко раскрою объятия,
Я весь мир обниму, –
Заговоры твои и заклятия
Ни на что, ни к чему.
Укажу я зловещему ворону
Над тобою полет.
Новый месяц по левую сторону,
Ты увидишь, – взойдёт.
На пути твоём вихри полдневные
Закручу, заверчу, –
Лихорадки и недуги гневные
На тебя нашепчу.
Всё покрою заразою смрадною,
Что приветись, любя,
И тоской гробовой, беспощадною
Иссушу я тебя.
И ко мне ты покорно преклонишься,
Призывая меня,
И в объятьях моих ты схоронишься
От постылого дня.
Тихая колыбельная
Много бегал мальчик мой.
Ножки голые в пыли.
Ножки милые помой.
Моя ножки, задремли.
Я спою тебе, спою:
«Баю-баюшки-баю».
Тихо стукнул в двери сон.
Я шепнула: «Сон, войди».
Волоса его, как лён,
Ручки дремлют на груди, –
И тихонько я пою:
«Баю-баюшки-баю».
«Сон, ты где был?» – «За горой». –
«Что ты видел?» – «Лунный свет». –
«С кем ты был?» – «С моей сестрой». –
«А сестра пришла к нам?» – «Нет».
Я тихонечко пою.
«Баю-баюшки-баю».
Дремлет бледная луна.
Тихо в поле и в саду.
Кто-то ходит у окна,
Кто-то шепчет: «Я приду».
Я тихохонько пою:
«Баю-баюшки-баю».
Кто-то шепчет у окна,
Точно ветки шелестят:
«Тяжело мне. Я больна.
Помоги мне, милый брат».
Тихо-тихо я пою:
«Баю-баюшки-баю».
«Я косила целый день.
Я устала. Я больна».
За окном шатнулась тень.
Притаилась у окна.
Я пою, пою, пою:
«Баю-баюшки-баю».
«Я осмеянный шел из собрания злобных людей...»
Я осмеянный шел из собрания злобных людей,
В утомлённом уме их бесстыдные речи храня.
Было тихо везде, и в домах я не видел огней,
А морозная ночь и луна утешали меня.
Подымались дома серебристою сказкой кругом,

Безмятежно сады мне шептали о чём-то святом,
И, с приветом ко мне обнажённые ветви склоня,
Навевая мечты, утешали тихонько меня.
Улыбаясь мечтам и усталые взоры клоня,
Я по упицам шёл, очарованный полной луной,
И морозная даль, серебристой своей тишиной
Утишая тоску, отзывала от жизни меня.
Под ногами скрипел весь обвеянный чарами снег,
Был стремителен бег легких туч на далёкий ночлег,
И, в пустынях небес тишину ледяную храня,
Облака и луна отгоняли тоску от меня.

«Мельканье изломанной тени...»

Мельканье изломанной тени,
Испуганный смертью взор.
Всё ниже и ниже ступени,
Всё тише рыдающий хор.
Нисходят крутые ступени,
Испуган разлукою взор.
Дрожат исхудалые руки,
Касаясь холодной стены.
Протяжным стенаньем разлуки
Испуганы тёмные сны.
Протяжные стоны разлуки
Дрожат у холодной стены.
Под чёрной и длинной вуалью
Две урны полны через край...
О песня, надгробной печалью
Былую любовь обвевай!

Отравлено сердце печалью,
Две урны полны через край.
«Уйди, преступный воин!..»
«Уйди, преступный воин!»

Ты больше недостоин
В сраженьях с нами быть,
Копьё ломать в турнире,
И на весёлом пире
Из общей чаши пить».

Идёт он, восклицая:
«За что напасть такая?
Я ложно осуждён!»
И слышит рёв проклятий
Его былых собратий,
И смех пажей да жён.
Как рыцарь осуждённый,
Надменных прав лишённый,
Без шлема и без лат,
От буйного турнира, –
От радостного мира
Иду, тоской объят,
И сам себе пеняю,
Хотя вины не знаю,
Не знаю за собой, –
Зачем в турнир весёлый,
Надев доспех тяжёлый,
Пошёл я за толпой.

Возвращение

Медлительные взоры к закату обращая,
Следя за облаками и за полётом птиц,
Сидела при дороге красавица лесная, –
И зыблилась тихонько, мечту и тень роняя
На смуглые ланиты, густая сень ресниц.
Она припоминала в печальный час вечерний
Таинственные дали, – родимые края,
Где облако понятней, где роца суеверней, –
Куда, былая фея, любовьию дочерней
Влеклась она, страдая и грусть свою тая.
Был день: презревши чары и прелести ночные,
С жезлом своим волшебным рассталася она,

Венок благоуханный сняла с чела впервые,
И, как простая дева, в обители простые
Вошла, и человеку женою отдана.
На дальнем горизонте синеющей чертою
Виднелся лес дремучий, – то лес её родной...
Туда она глядела вечернею зарёю, –
Оттуда к ней домчался с призывною тоскою
Лазурный тихий голос: «Вернись, дитя, домой».
И в голосе далёком ей слышалось прощенье,
Она улыбкой тихой ответила на зов,
С людьми не попрощалась, оставила селенье
И быстро тенью лёгкой исчезла в отдаленье...
Влекла её в отчизну дочерняя любовь.
«Насытив очи наготою...»
Насытив очи наготою
Эфирных и бесстрастных тел,
Земною страстной красотою
Я воплотиться захотел.
Тогда мне дали имя Фрины,
И в обаяньи нежных сил
Я восхитил мои Афины
И тело в волны погрузил.
Невинность гимны мне слагала,
Порок стыдился наготы,
И напоил он ядом жало
В пыли ползущей клеветы.
Мне казнь жестокая грозила,
Меня злословила молва,
Но злость в победу превратила
Живая сила божества.
Когда отравленное слово
В меня метал мой грозный враг,
Узрел внезапно без покрова
Мою красу ареопаг.
Затмилось злобное гоненье,
Хула свиваясь умерла,
И было – старцев поклоненье,
Восторг бесстрастный и хвала.
«Детский лепет мне несносен...»
Детский лепет мне несносен,
Мне противен стук машин.
Я хочу под тенью сосен
Быть один, всегда один, –
Чтоб пустынно восходило
И катилось надо мной
Безответное светило,
Змей безумно-золотой, –
Чтоб свободный и пустынный
Веял ветер всех сторон,
Погружая душу в длинный,
Безразгадно-вещий сон.
Чтоб никто не молвил слова
Ни со мной, ни обо мне,
Злым вторжением былого
В беспредельной тишине, –
И когда настанет время
Беспробудно опочить
И томительное бремя
С утомленных плеч сложить, –
Чтоб никто моей пустыней
С тихим пеньем не ходил,
Чтоб не плавал ладан синий
Вкруг колеблемых кадил.
«Много было вёсен...»
Много было вёсен, –
И опять весна.
Бедный мир несносен,
И весна бедна.

Что она мне скажет
На мои мечты?
Ту же смерть покажет,
Те же все цветы,
Что и прежде были
У больной земли,
Небесам кадили,
Никли да цвели.
«Безжизненный чертог...»
Безжизненный чертог,
Случайная дорога...
Не хочет жизни Бог, –
Иль жизнь не хочет Бога?
Опять встаёт заря,
Колышутся туманы,
И робко ждут Царя
Томительные страны.
Но лютый змий возник,
И мечет стрелы злые,
И грозен мёртвый лик
Пылающего змия.
Для смерти – здесь чертог,
Для случая – дорога.
Не хочет жизни Бог,
И жизнь не хочет Бога.
«Виденья злые, кто же вас...»
Виденья злые, кто же вас
Воздвиг над мрачной бездной
В неизречённый час,
Святой, но бесполезный?
И чей бессмертно-вечный сон,
О тени гибельные, вами
В недобрый час отягощен,
Как небо облаками?
То воля мудрого Творца,
Иль злобным вражеским соблазном
До вожделенного конца
Единый мир предстал мне разным?
О, как томительно не знать
Того, что сердцу вечно ясно,
И неустанно вопрошать, –
□□И вопрошать напрасно!
«Изнемогающая вялость...»
Изнемогающая вялость,
За что-то мстящая тоска, –
В долинах – бледная усталость,
На небе – злые облака.
Не видно счастья голубого, –
Его затмили злые сны.
Лучи светила золотого
Седой тоской поглощены.
«Трепещет сердце опять...»
Трепещет сердце опять.
Бледная поднялась заря, –
Бедная! Пришла встречать
Злого, золотого царя.
Встал и пламенем лучей
Опалил, умертвил её.
Ропщет и плачет ручей, –
Усталое сердце моё.
«В дневных лучах и в сонной мгле...»
В дневных лучах и в сонной мгле,
В моей траве, в моей земле,
В моих кустах я схоронил
Мечты о жизни, клады сил,
И окружился я стеной,
Мой свет померк передо мной,
И я забыл, давно забыл,

Где притаились клады сил.
Порой, взобравшись по стене,
Сижу печально на окне, –
И силы спят в земле сырой,
Под неподвижную травой.
Как пробудить их? Как воззвать?
Иль им вовеки мирно спать,
А мне холодной тишиной
Томиться вечно за стеной?
«Объята мглою вещей теней...»
Объята мглою вещей теней,
Она восходит в тёмный храм.
Дрожат стопы от холода ступеней,
И грозен мрак тоскующим очам.
И будут ли услышаны моления?
Или навек от жизненных тревог
В недостижимые селенья
Сокрылся Бог?
Во мгле мерцают слабые лампы,
К стопам приник тяжёлый холод плит.
Темны столпов недвижимые громады, –
Она стоит, и плачет, и дрожит.
О, для чего в усердьи богомольном
Она спешила в храм идти!
Как вознести мольбы о дольном!
Всему начертаны пути.
«Грустные взоры склоняя...»
Грустные взоры склоняя,
Светлые слёзы роняя,
Ты предо мною стоишь, –
Только б рыданья молчали, –
Злые лобзанья печали
Ты от толпы утаишь.
Впалые щёки так бледны.
Вешние ль грозы бесследны,
Летний ли тягостен зной,
Или на грех ты дерзаешь, –
Сердце моё ты терзаешь
Смертной своей белизной.
«Ангел снов невиденных...»
Ангел снов невиденных,
На путях неиденных
Я тебя встречал.
Весь ты рдел, таинственный,
И удел единственный
Ты мне обещал.
Меркло, полусонное,
Что-то непреклонное
У тебя в глазах;
Книгу непрочтённую
С тайной запрещённую
Ты держал в руках.
«Неустанное в работе...»
Неустанное в работе
Сердце бедное моё, –
В несмолкающей заботе
Ты житьё куешь моё.
Воля к жизни, воля злая,
Направляет пылкий ток, –
Ты куешь, не уставая,
Телу радость и порок.
Дни и ночи ты торопишь,
Будишь, слабого, меня,
И мои сомненья топишь
В нескончаемости дня.
Я безлепицей измучен.
Житиё клянусь моё.
Твой тяжёлый стук мне скучен,

Сердце бедное моё.
«Есть тропа неизбежная...»
Есть тропа неизбежная
На крутом берегу, –
Там волшебница нежная
Запыхалась в бегу,
Улыбается сладкая,
И бежит далеко.
Юность сладкая, краткая,
Только с нею легко.
Пробежит, – зарумянится,
Улыбаясь, лицо,
И кому-то достанется
Золотое кольцо...
Рокового, заклётого
Не хотеть бы кольца,
Отойти б от крылатого,
Огневого гонца.
«Пламенем наполненные жилы...»
Пламенем наполненные жилы,
Сердце знойное и полное огнём, –
В теле солнце непомерной силы,
И душа насквозь пронизанная днём.
Что же в их безумном ликованьи?
Бездна ждёт, и страшен рёв её глухой.
В озарении, сверканьи и сгораньи
Не забыть её, извечной, роковой.
«В стране безвыходной бессмысленных томлений...»
В стране безвыходной бессмысленных томлений
Влачил я долго я без грёз, без божества,
□□И лишь порой для диких вдохновений
□□Я находил безумные слова.
Они цвели во мгле полночных волхвований,
На злом пути цвели, – и мёртвая луна
□□□Прохладный яд несбыточных желаний
□□□Вливала в них, ясна и холодна.
«Безумием окована земля...»
Безумием окована земля,
Тиранством золотого Змея.
Простёрлися пустынные поля,
В тоске безвыходной немея,
Подъемятся бессильно к облакам
Безрадостно-нахмуренные горы,
Подъемятся к далёким небесам
Людей тоскующие взоры.
Влачится жизнь по скучным колеям,
И на листьях незыблемы узоры.
Безумная и страшная земля,
Неистошим твой дикий холод,
И кто безумствует, спасения моля,
Мечом отчаянья проколот.
«Белая тьма созидает предметы...»
Белая тьма созидает предметы
□□И обольщает меня.
Жадно ищю я душою просветы
□□В область нетленного дня.
Кто же внесёт в заточенье земное
□□Светоч, пугающий тьму?
Скоро ль бессмертное, сердцу родное
□□В свете его я пойму?
Или навек нерушима преграда
□□Белой, обманчивой тьмы,
И бесконечно томиться мне надо,
□□И не уйти из тюрьмы?
«Нашу неподвижность бранью не клейми...»
Нашу неподвижность бранью не клейми:
Нам коснеть в пещерах, созданных людьми.
Мы не можем выйти, мы не смеем жить;

Много здесь предметов – нам их сторожить.

Чтоб не веял ветер, солнце бы не жгло,
Да воды проворной к ложу не текло.
С человеком долго мы вели войну, –
Человек ли скован, мы ль в его плену?
Весела ль, грустна ли вражеская речь, –
Надо ждать решенья – и врага стеречь.
«Рассвет полусонный, я очи открыл...»
Рассвет полусонный, я очи открыл,
Но нет во мне воли, и нет во мне сил.
И душны покровы, и скучно лежать,
Но свет мой не хочет в окне засиять.
Докучная лампа, тебя ли зажечь,
Чтоб взоры направить на мёртвую речь?
Иль грешной мечтою себя веселить,
Прикинуть к подушке и всё позабыть?
Рассвет полусонный, я бледен и хил,
И нет во мне воли, и нет во мне сил.

«Я жил как зверь пещерный...»

Я жил как зверь пещерный,
Холодной тьмой объят,
Заветам ветхим верный,
Бездушным скалам брат.
Но кровь моя кипела
В томительном огне, –
И призрак злого дела
Творил я в тишине.
Над мраками пещеры,
Над влажной тишиной
Скитались химеры,
Воздвигнутые мной.
На каменных престолах,
Как мрачные цари,
В кровавых ореолах
Мерцали упыри.
Безумной лаской нежить
Во тьме и тишине
Отверженная нежить
Сбиралася ко мне.
И я как зверь скитался
В кругу заклятых сил
И скверною питался,
Но смерти не вкусил.
«Не трогай в темноте...»
Не трогай в темноте
Того, что незнакомо, –
Быть может, это – те,
Кому привольно дома.
Кто с ними был хоть раз,
Тот их не станет трогать.
Сверкнёт зелёный глаз,
Царапнет быстрый ноготь, –
Прокинется котом
Испуганная нежить.
А что она потом
Затеет? Мучить? нежить?
Куда ты ни пойдёшь,
Возникнут пусторосли.
Измаешься, заснёшь.
Но что же будет после?
Прозрачную щекой
Прильнёт к тебе сожитель.
Он серою тоской
Твою затмит обитель.
И будет жуткий страх, –
Так близко, так знакомо,
Стоять во всех углах
Тоскующего дома.

«Суровы очи у дивных дев...»
Суровы очи у дивных дев,
На бледных лицах тоска и гнев.
В руке у каждой горит свеча.
Бренчат о пояс два ключа.
Печальный, дальний путь избрав,
Они проходят средь влажных трав,
Среди колосьев, среди цветов,
Под тень надгробных крестов.
Пророчат что-то свеч лучи,
Но что пророчат, о том молчи.
«В село из леса она пришла...»
В село из леса она пришла, –
Она стучала, она звала.
Её страшила ночная тьма,
Но не пускали её в дома.
И долго, долго брела она,
И тёмной ночью была одна,
И не пускали её в дома,
И угрожала ночная тьма.
Когда ж, ликуя, заря взошла.
Она упала, – и умерла.
«Холодная, жестокая земля!..»
Холодная, жестокая земля!
Но как же ты взрастила сладострастие?
Твои широкие, угрюмые поля
Извелили ненастье, но и счастье.
Сама ли ты надежды родила,
Сама ли их повила злаками?
Или сошла с небес богиня зла,
Венчанная таинственными знаками,
И низвела для дремлющей земли
Мечты коварные с обманами,
И злые гости облекли
Тебя лазурными туманами?
«Я живу в тёмной пещере...»
Я живу в тёмной пещере,
Я не вижу белых ночей.
В моей надежде, в моей вере
Нет сиянья, нет лучей.
Ход к пещере никем не иден,
И не то ль защита от меча!
Вход в пещеру чуть виден,
И предо мною горит свеча.
В моей пещере тесно и сыро,
И нечем её согреть.
Далёкий от земного мира,
Я должен здесь умереть.
«О сердце, сердце! Позабыть...»
О сердце, сердце! Позабыть
Пора надменные мечты,
И в безнадежной доле жить
Без торжества, без красоты;
Молчаньем верным отвечать
На каждый звук, на каждый зов,
И ничего не ожидать
Ни от друзей, ни от врагов.
Суров завет, но хочет Бог,
Чтобы такую жизнь была
Среди медлительных тревог,
Среди томительного зла.
«Есть правда горькая в пророчестве...»
Есть правда горькая в пророчестве:
Ты должен вечным быть рабом.
Свобода – только в одиночестве.
Какое рабство – быть вдвоём.
Свершить ли хочешь пожелания, –
Свободные всегда одни.

Венчай тиарою молчания
Твои отторженные дни.
Но бойся, бойся воплощения
Твоей надежды и мечты:
Придут иные вожделения,
И сам окаменеешь ты.
«В первоначальном мерцаньи...»
В первоначальном мерцаньи,
Раньше светил и огня,
Думать-гадать о созданьи
Боги воззвали меня.
И совещались мы трое,
Радостно жизнь расцвела.
Но на благое и злое
Я разделил все дела.
Боги во гневе суровом
Прокляли злое и злых,
И разделяющим словом
Был я отторжен от них.
«Что мы служим молебны...»
□□Что мы служим молебны,
И пред Господом ладан кадим!
□□Всё равно непотребны,
Позабитые Богом своим.
□□В миротканной порфире,
Осенённый покровами сил,
□□Позабыл он о мире,
И от творческих дел опочил.
□□И нетленную мечтою
Мировая душа занята,
□□Не земною, иною, –
А земная пустыня – пуста.
Пилигрим
В одежде пыльной пилигрима,
Обет свершая, он идёт,
Босой, больной, неутомимо,
То шаг назад, то два вперёд, –
И, чередуясь мерно, дали
Встанут всё новые пред ним,
Неистоцимы, как печали, –
И всё далек Ерусалим..
В путях томительной печали,
Стремится вечно род людской
В недосыгаемые дали,
К какой-то цели роковой.
И создаёт неутомимо
Судьба преграды перед ним,
И всё далек от пилигрима
Его святой Ерусалим.
Лихо
Кто это возле меня засмеялся так тихо?
Лихо мое, одноглазое, дикое Лихо!
Лихо ко мне привязалось давно, с колыбели,
Лихо стояло и возле крестильной купели,
Лихо за мною идёт неотступною тенью,
□□Лихо уложит меня и в могилу.
Лихо ужасное, враг и любви, и забвенью,
□□Кто тебе дал эту силу?
Лихо ко мне прижимается, шепчет мне тихо:
«Я – бесталанное, всеми гонимое Лихо!
В чьём бы дому для себя уголок не нашло я,
Всяк меня гонит, не зная минуты покоя.
Только тебе побороться со мной недосужно, –
□□Странно мечтая, стремишься ты к мукам.
Вот почему я с твою душою так дружно,
□□Как отголосок со звуком».
«Я тёмным иду переулком...»
Я тёмным иду переулком,

Где в воздухе пыльном и гулком
□□Тревога,
И чужд я больной укоризне, –
Теперь мне осталось от жизни
□□Немного.
Не знать и не ждать перемены,
Смотреть на докучные стены
□□Досадно,
Мечтать же о дне неслучайном,
Навеки запретном и тайном,
□□Отрадно.
Да, он никогда не настанет, –
И кто моё сердце обманет
□□Гаданьем!
Не мне утешаться и верить,
И тёмные пропасти мерить
□□Желаньем.
«В предутренних потьмах я видел злые сны...»
В предутренних потьмах я видел злые сны.
□□Они меня до срока истомили.
Тоска, томленье, страх в работу вплетены,
□□В сиянье дня – седые космы пыли.
Предутренние сны, безумной ночи сны, –
□□На целый день меня вы отравили.
Есть белый нежный цвет, – далёк он и высок,
□□Святая тень, туманно-голубая.
Но мой больной привет начертан на песок,
□□И тусклый день, так медленно ступая,
Метёт сухой песок, медлительно-жесток.
□□О жизнь моя, безжалостно-скупая!
Предутренного сна больная тишина,
□□Немая грусть в сияньи Змия.
Святые ль наизусть твердишь ты имена,
□□Ты, мудрая жена седого Вия,
Предутренного сна больная тишина,
□□Но где ж твои соперницы нагие?
Иль тусклой пеленой закроется закат,
□□И кто за ним, то будет Тайной снова,
И, мёртвой тишиной мучительно объят,
□□Сойду к Иным без творческого Слова?
Мучительный закат, безжалостный закат,
□□Последний яд, усмешка Духа Злого.
«Воля к жизни, воля к счастью, где же ты?..»
Воля к жизни, воля к счастью, где же ты?
Иль навеки претворилась ты в мечты,
И в мечтах неясных, в тихом полусне,
Лишь о невозможном возвещаешь мне?
Путь один лишь знаю, – долог он и крут, –
Здесь цветы печали бледные цветут,
Умирает без ответа чей-то крик.
За туманом солнце скрыто, – тусклый лик.
Утомленьем и могилой дышит путь, –
Воля к смерти убеждает отдохнуть,
И от жизни обещает уберечь.
Холодна и однозвучна злая речь,
Но с отрадой и с надеждой внемлю ей
В тишине, в томленьи неподвижных дней.
«Я спал от печали...»
Я спал от печали
Тягостным сном.
Чайки кричали
Над моим окном.
Заря возопила:
«Встречай со мной царя.
Я небеса разбудила,
Разбудила, горя».
И ветер, пылая
Вечной тоской,

Звал меня, пролетая
Над моею рекой.
Но в тяжёлой печали
я безрадостно спал.
О, весёлые дали,
я вас не видал!
«Не отражаясь в зеркалах...»
Не отражаясь в зеркалах,
Я проходил по шумным залам.
Мой враг, с угрюмостью в очах,
Стоял за белым пьедесталом.
Пред кем бы я ни предстоял
С моей двусмысленной ужимкой,
Никто меня не замечал
Под серой шапкой-невидимкой.
И только он мой каждый шаг
Следил в неукротимом гневе,
Мой вечный, мой жестокий враг,
Склонившись к изваянной деве.
Среди прелестных стройных ног,
Раздвинув белоснежный камень,
Торчал его лохматый рог,
И взор пылал, как адский пламень.
«Шум и ропот жизни скудной...»
Шум и ропот жизни скудной
□□ Ненавистны мне.
Сон мой трудный, непробудный,
□□ В мёртвой тишине,
Ты взлелеян скучным шумом
□□ Гордых городов,
Где моим заветным думам
□□ Нет надёжных слов.
Этот грохот торопливый
□□ Так враждебен мне!
Долог сон мой, сон ленивый
□□ В мёртвой тишине.
«Поклонюсь тебе я платой мною...»
Поклонюсь тебе я платой мною, –
Я хочу забвенья да веселия, –
Ты поди некошною дорогою,
Ты нарви мне ересного зелия.
Белый саван брошен над болотами,
Мёртвый месяц поднят над дубравою, –
Ты пройди заклятыми воротами,
Ты приди ко мне с шальной пошавою.
Страшен навий след, но в нём забвение,
Горек омег твой, но в нём веселие,
Мёртвых уст отрадно дуновение, –
Принеси ж мне, ведьма, злое зелие.
«Грустен иду по дороге пустынной...»
□□ Грустен иду по дороге пустынной
Вслед за вечернею тенью, угрюмой и длинной.
□□ Сумрачный город остался за мною
С чахлою жизнью его и с его суетою.
□□ Пусты просторы, томительно-жестки.
Никнут ветвями во сне непробудном берёзки.
□□ Грустны вокруг меня сжатые нивы.
Чудится мне, что враждебно они молчаливы.
«Злой, золотой, беспощадно ликующий Змей...»
Злой, золотой, беспощадно ликующий Змей
В красном притине шипит в паутине лучей.
Вниз соскользнул и смеётся в шипящем уже.
Беленьким зайчиком чёрт пробежал по меже.
Злая крапива и сонные маки в цвету.
Кто-то, мне близкий, чёрту замыкает в черту.
Беленький, хитренький, прыгает чёрт за чертой
Тихо смеётся и шепчет: «Попался! Постой!»
«Проходит она торопливо...»

Проходит она торопливо
На шумных путях городских,
Лицо закрывая стыдливо
Повязкой от взоров людских:
Пожаром её опалило,
Вся кожа лица сожжена,
И только глаза защитила
Своими руками она.
В пожаре порочных желаний
Беспомощно дух мой горел,
И только усладу мечтаний
Спасти от огня я успел.
Я жизни свободной не знаю,
В душе моей – мрачные сны,
Я трепетно их укрываю
Под нежную тканью весны.
«Мечта души моей, полночная луна...»
Мечта души моей, полночная луна,
Скользишь ты в облаках, ясна и холодна.
Я душу для тебя свирельную настроил,
И войны шумные мечтами успокоил.
Но мне ты не внимай, спеши стезёй своей,
И радостных часов над морем не жалея.
Твоя минует ночь, поникнет лик усталый, –
Я море подыму грозою небывалой.
Забудет океан о медленной луне,
И сниться будет мне погибель в глубине,
И, полчище смертей наславши в злое море,
Я жизнью буйною утешусь на просторе.
«Я без цели, угрюм и один...»
Я без цели, угрюм и один,
Посреди облетелых куртин
И поблеклых деревьев иду
В бездыханном и жёлтом саду.
Облака надо мною скользят,
И к закату торопится день.
Безнадёжный и близкий закат,
Не твоя ли колыхнется тень
Над моею туманной душой?
В ней тяжёлой и горькой слезой
Упованье моё сметено,
В ней мечты облетели давно.
«Ветер тучи носит...»
□□Ветер тучи носит,
□□Носит вихри пыли.
□□Сердце сказки просит,
□□И не хочет были.
Сидеть за стеною, работником быть, –
О, ветер, – ты мог бы и стены разбить!
Ходить по дорогам из камней и плит, –
Он только тревожит, он только скользит!
И мёртвые видеть повсюду слова, –
Прекрасная сказка навеки мертва.
«Цветик белоснежный...»
□□Цветик белоснежный
□□У тропы тележной
Вырос в месте незнакомом.
Ты, мой друг, простился с домом,
□□Ты ушёл далеча, –
□□Суждена ль нам встреча?
□□Цветик нежный, синий
□□Над немой пустыней
Вырос в месте незнакомом.
Ты, мой друг, расстался с домом,
□□От тебя хоть слово
□□Я услышу ль снова?
«Птицы чёрные толпою...»
Птицы чёрные толпою

Вдруг собрались надо мною,
И в зловещей тишине
Неотвязчивый их причет
Надо мною гулко кичет.
Возвещая гибель мне.
Над душой моей нависли
Неотвязчивые мысли
О судьбе моей больной,
И надежды заслоняя,
Через их роковая
Веет страхом и тоской.
«Там, за стеною, холодный туман от реки...»
Там, за стеною, холодный туман от реки.
Снова со мною острые ласки тоски.
Снова огонь сожигает
Усталую плоть, –
Пламень безумный, сверкая, играет,
Жалит, томит, угрожает, –
Как мне его побороть?
Сладок он, сладок мне, сладок, –
В нём я порочно полночно сгораю давно.
Тихое око бесстрастных лампадок,
Тихой молитвы внезапный припадок, –
Вам погасить мой огонь не дано.
Сладкий, безумный и жгучий,
Пламенный, радостный стыд,
Мститель нетленно-могучий
Горьких обид.
Плачет опять у порога
Бледная совесть – луна.
Ждёт не дожждётся дорога, –
И увядает она,
Лилия бедная, бледная, вечно больная, –
Лилия ждёт не дожждётся меня,
Светлого мая,
Огня.
«Окрест – дорог извилистая сеть...»
Окрест – дорог извилистая сеть.
Молчание – ответ зывающим,
О, долго ль будешь в небе ты висеть
Мечом, бессильно угрожающим?
Была пора, – с небес грозил дракон,
Он видел вдаль, и стрелы были живы,
Когда же он покинет небосклон,
Всходили вестники, земле не лживы.
Обвеяны познанием кудес,
Являлись людям звери мудрые.
За зельями врачующими в лес
Ходили ведьмы среброкудрые.
Но всё обман, – дракона в небе нет,
И ведьмы так же, как и мы, бессильны.
Земных судеб чужды пути планет, –
Пути земные медленны и пыльны.
Страшна дорог извилистая сеть,
Молчание – ответ зывающим,
О, долго ль с неба будешь ты висеть
Мечом, бессильно угрожающим?
«Обольщения лживых слов...»
Обольщения лживых слов
И обманчивых снов, –
Ваши прелести так сильны!
Утомителен летний зной.
На дороге лесной
Утешения тишины.
Позабудешься ты в тени, –
Отдохни и засни.
Старый сказочник не далёк.
Он с дремотою подойдёт.

Вещий лес оживёт, –
И таинственный огонёк.
Чего не было никогда,
Что пожрали года,
Что мечтается иногда, –
Снова молодо, снова здесь,
Станешь радостен весь,
В позабытую внидешь весь.
«От солнца льётся только колыханье...»
От солнца льётся только колыханье,
Небесных сил безжизненно дыханье,
Но отчего ж оно животворит?
Иль на земле источник нашей жизни,
И нет путей к заоблачной отчизне,
И не для нас небесный змий горит?
Не мёртвая, не скудная пустыня,
Своих судеб царица и богиня,
От праха ты стремишься к божеству, –
А я – одна из множества ступеней
Из царства сил в святую область теней,
Не тщетно жизнью призрачной живу.
И до конца пребуду терпеливым:
Что было прахом и страданьем лживым,
Что сквозь мои томления пройдёт, –
Во мне святыне вечной приобщится,
И в ликованьи нежно истончится,
Божественной природой оживёт.
«Мой ландыш белый вянет...»
Мой ландыш белый вянет,
Но его смерть не больная.
Его ничто не обманет,
Потому что он хочет не зная,
И чего хочет, то будет,
Чего не будет, не надо.
Ничто его не принудит,
И увяданье ему отрада.
Единая Воля повсюду,
И к чему мои размышленья?
Надо поверить чуду
Единого в мире хотенья.
«Иду в смятеньи чрезвычайном...»
Иду в смятеньи чрезвычайном,
И, созерцая даль мою,
Я в неожиданном, в случайном
Свои порывы узнаю.
Я снова слит с моей природой,
Хотя доселе не решил,
Стремлюсь ли я своей свободой,
Или игрой мне чуждых сил.
Но что за гранью жизни краткой
Меня ни встретит, – жизнь моя
Горит одной молитвой сладкой,
Одним дыханьем бытия.
«Давно мне голос твой невнятен...»
Давно мне голос твой невнятен,
И образ твой в мечтах поблёк.
Или приход твой невозвратен,
И я навеки одинок?
И был ли ты в моей пустыне,
Иль призрак лживый, мой же сон,
В укор неправедной гордыне
Врагом безликим вознесён?
Кто б ни был ты, явись мне снова,
Затми томительные дни,
И мрак безумия земного
Хоть перед смертью осени.
«Восходит Змий горящий снова...»
Восходит Змий горящий снова,

И мечет грозные лучи.
От волхвования ночного
Меня ты снова отлучи.
Труды подьемлю, – на дороги
Пойду безумен, зол и мал,
Забыв полночные чертоги,
Где я словам твоим внимал.
Но из земли возникнут снова
Твои холодные ключи, –
Тогда меня, всегда земного,
Ты в тихий сумрак заключи.
«Ты в стране недостижимой...»
Ты в стране недостижимой, –
Я в больной долине снов.
Друг, томительно любимый,
Слышу звук твоих шагов.
Содрогаясь, внемлю речи,
Вижу блеск твоих очей, –
Бледный призрак дивной встречи,
Привидение речей.
Расторгают эвмениды
Между нами все пути.
Я изгнанник, – все обиды
Должен я перенести.
Жизнью скучной и нелепой
Надо медленно мне жить,
Не роптать на рок свирепый,
И о тайном ворожить.
«И я возник из бездны дикой...»
И я возник из бездны дикой,
□□И вот цвету,
И созидаю мир великий, –
□□Мою мечту.
А то, что раньше возникало, –
□□Иные сны, –
Не в них ли кроется начало
□□Моей весны?
Моя мечта – и все пространства,
□□И все чреды,
Весь мир – одно моё убранство,
□□Мои следы.
И если ныне в бедном теле
□□Так тесно мне, –
Утешусь я в ином пределе,
□□В иной стране.
«Наивно верю временам...»
Наивно верю временам,
Покорно предаюсь пространствам, –
Земным изменчивым убранствам
И беспредельным небесам.
Хочу конца, ищу начала,
Предвижу роковой предел, –
Противоречий я хотел,
Мечта владычицею стала.
В жемчуги, злато и виссон,
Прелестница безумно-злая,
Она рядит, не уставая,
Земной таинственный мой сон.
«Если трудно мне жить, если больно дышать...»
Если трудно мне жить, если больно дышать,
Я в пустыню иду – о тебе помечтать,
О тебе рассказать перелётным ветрам,
О тебе погадать по лесным голосам.
Я позвал бы тебя, – не умею назвать;
За тобой бы послал, – да не смею послать;
Я пошёл бы к тебе, – да не знаю пути;
А и знал бы я путь, – так боялся б идти.
Я холодной тропой одиноко иду,

Я земное забыл и сокрытого жду, –
и безмолвная смерть поцелует меня,
и к тебе уведёт, тишиной осеня.

«Безгрешный сон...»

□□□□Безгрешный сон,
□□□□Святая ночь молчанья и печали!
Вы, сестры ясные, взошли на небосклон,
□□□□и о далёком возвещали.
□□□□Отрадный свет,
□□□□и на земле начертанные знаки!
Вам, сёстры ясные, земля моя в ответ
□□□□взрастила грезящие маки.
□□□□в блестящем дне
□□□□Отрада есть, – надежда вдохновенья.
О, сёстры ясные, одна из вас ко мне
□□□□сошла в тумане сновиденья!

«Прикован тяжким тяготением...»

Прикован тяжким тяготением
□□К моей земле,
Я тешусь кратким сновидением
□□в полночной мгле.
Летит душа освобождённая
□□в живой эфир,
и там находит, удивлённая,
□□за миром мир.
и мимоходом воплощается
□□в иных мирах,
и новой жизнью забавляется
□□в иных телах.

«Понимать твою игру...»

Понимать твою игру,
может быть, и нелегко.
Ослабею – и умру,
Этот день недалеко.
Я умру, – а ты опять
будешь звёзды зажигать,
сеять чары и мечты, –
будем снова я и ты.
будем дети, будет смех,
будет сладкая любовь,
будет зло, и будет грех,
и опять прольётся кровь.
снова круг мой завершив,
стану мёртв и стану жив,
и твою игру прерву,
может быть, и наяву.

«Я ухо приложил к земле...»

Я ухо приложил к земле,
чтобы услышать конский топот, –
но только ропот, только шёпот
ко мне доходит по земле.
нет громких стуков, нет покоя,
но кто же шепчет, и о чём?
кто под моим лежит плечом
и уху не даёт покоя?
ползет червяк? растёт трава?
вода ли капает до глины?
молчат окрестные долины,
земля суха, тиха трава.
пророчит что-то тихий шёпот?
иль, может быть, зовёт меня,
к покою вечному клоня,
печальный ропот, темный шёпот?

«Земле раскрылись неслучайно...»

Земле раскрылись неслучайно
многообразные цветы, –
в них дышит творческая тайна,
цветут в них Божии мечты.

что было прежде силой косной,
что жило тускло и темно,
Теперь омыто влагой росной,
Сияньем дня озарено, –
И в каждом цвете, обаяньем
Невинных запахов дыша,
Уже трепещет расцветаньем
Новорождённая душа.
«Сладко ты благоухаешь...»
Сладко ты благоухаешь,
Расцвела на радость мая.
Отчего ж ты не вздыхаешь,
Сад родимый покидая?
Сломан стебель в полдень знойный,
Сломан злобною рукою, –
Непорочной и спокойной
Ты сияешь красотой.
Подожду до ночи лунной,
И тебя, уж неживую,
У решётки той чугунной
Подыму и поцелую.
«Вести об отчизне...»
Вести об отчизне
Верьте иль не верьте, –
Есть весна у жизни,
Есть весна у смерти.
Если розы красны,
То купавы бледны.
Небеса бесстрастны,
Мы же, люди, бедны.
Истина предстанет
Поздно или рано.
Здесьнее обманет, –
В смерти нет обмана.
«Невеста тихая приходит...»
Невеста тихая приходит.
Какие белые цветы!
Кого она с собой приводит?
О чём в очах её мечты?
Она сложила странно руки,
Она склонила взор к земле.
Её весна – заря разлуки,
Её пути лежат во мгле.
Идёт в святом благоуханьи,
Колебля белую фату,
И в угасающем дыханьи
Струя холодную мечту.
«В лесу кричала злая птица...»
В лесу кричала злая птица,
Едва ручей журчал в кустах,
По небу прядала зарница,
Туман сгущался на полях.
Из-за раскрытого широко
Томленья в полночи моей
Прозрачный голос издалёка
Мне что-то пел, – не знаю чей.
И всё, что вокруг меня звучало, –
Ручей, и ветер, и трава, –
Всё, докучая, заслоняло
Его эфирные слова.
И я заклятием молчанья
Воззвал к природе, – и она
Очарованью заклинанья
Была на миг покорена.
Я ждал, – и в вещем ожиданьи
Зажёгся мне великий свет.
Далёкий зов погас в молчаньи,
Но был в молчании ответ.

«Игру Ты возлюбил, и создал мир играя...»
Игру Ты возлюбил, и создал мир играя;
Кто мудрости вкусил, Ты тех изгнал из рая.
Кто захотел расти, тех смерти Ты обрёл.
Зарёю мужества поставил Ты порок.
Ты – Отрок радостный, Ты – девственное Слово.
Сомненье тёмное отринул Ты сурово.
Младенца умертвил посланник грозный Твой, –
Ты в царствии Своём младенца успокой.
И на земле есть радости,
Есть много радостей и в тёмном бытии, –
Но все земные сладости –
Обманы краткие, прельщения Твои.
Обманом очаровано
Невинное дитя,
И если смертью сковано,
То сковано шутя.
Обещанное сбудется, –
Восстанет милый прах,
И радостно разбудится
Улыбка на губах.
И ждуть ли нам наскучило,
И скорь ли нас измучила, –
Всему своя пора,
А смертное томление,
И тёмный гроб, и тление –
Всё это лишь игра.
Тоскует мать над милым прахом,
Тоскует мать.
Кого обнять? С безумным страхом
Как обнимать?
Предстань пред нею, отрок ясный,
Как тихий сон,
И погрузи в туман безгласный
Безумный стон.
Потоки слёз и ладан дымный
Туманят взгляд.
Утеха в них; утеха – гимны
И весь обряд.
Земные дети шаловливы, –
Но крылья есть.
О том, как ангелы счастливы,
Доходит весть.
«Алой кровью истекая в час всемирного томленья...»
Алой кровью истекая в час всемирного томленья,
С лёгким звоном злые звенья разжимает лютый Змей.
Умирает с тихим стоном Царь полдневного творенья.
Кровью Змея пламенея, ты жалеть его не смей.
Близок срок заворожённый размышленья и молчанья.
Умирает Змей багряный, Царь безумного сиянья.
Он царил над небосклоном, но настал печальный час,
И с протяжным, тихим стоном Змей пылающий погас.
И с бессильною тревогой окровавленной дорогой,
Все ключи свои роняя, труп Царя влечёт Заря,
И в томленьи грусти строгой месяц бледный и двурогий
Сеет мглистые мечтанья, не грозя и не горя.
Если страшно, если больно, если жизни жаль неволью, –
Что твой ропот своевольный! Покоряйся, – жить довольно.
Все лучи померкли в небе и в ночной росе ключи, –
И опять Она с тобою. Слушай, слушай и молчи.
«В великом холоде могилы...»
В великом холоде могилы
я безнадежно схоронил
и отживающие силы,
и всходы нераскрытых сил.
и погребённые истлели
в утробе матери-земли,
и без надежды и без цели

Могильным соком потекли.
И соком корни напоили, –
И где был путь уныл и гол,
Там травы тихо восходили,
И цвет медлительный расцвёл.
Покорна гласу тёмной воли,
И бездыханна и светла,
Без торжества, без слёз, без боли
Вся сила мёртвая цвела.
И без любви благоухала,
Обманом жизни крася дол,
И сок сладчайший источала
Для пёстрых бабочек и пчёл...
О, если б смерть не овладела
Семьёю первозданных сил,
В какое б радостное тело
Я все миры соединил!
«Державные боги...»
Державные боги,
Властители радостных стран!
Устал я от трудной дороги,
И пылью покрылися ноги,
И кровью из ран.
«Так надо, так надо», –
Мне вещей ваш ворон твердит.
В чертогах небесных отрада, –
За труд и за муки награда,
За боль и за стыд.
Меня бы спросили,
Хочу ли от вас я венца!
Но вашей покорен я силе,
Вы тайно меня победили,
И к вам я иду до конца.
А есть и короче,
Прямой и нетрудный есть путь,
Лишь только в безмолвии ночи
Мгновенною молнией в очи
Себе самовольно блеснуть.
Его отвергаю,
Я вам покориться хочу.
Живу и страдаю, и знаю,
Что ваши пути открываю,
Иду и молчу.
«Моя печаль в полночной дали...»
Моя печаль в полночной дали,
Росой обрызгана, легла.
В единственной моей печали,
В безмолвной и туманной дали,
Вся жажда жизни умерла.
Ещё одной я вею страстью.
Ты, буйный ветер, страсть моя.
Ты научаешь безучастью,
Своею бешеною властью
Отвеяв прелесть бытия.
Всех чар бессильно обаянье,
И ни одной преграды нет.
Весь мир – недолгое мечтанье,
И радость – только созерцанье,
И разум – только тихий свет.
«В паденьи дня к закату своему...»
В паденьи дня к закату своему
□□Есть нечто мстительное, злое.
Не ты ли призывал покой и тьму,
□□Изнемогая в ярком зное?
Не ты ль хулил неистовство лучей
□□Владыки пламенного, Змия,
И прославлял блаженный мир ночей
□□И звёзды ясные, благие?

И вот сбылось, – пылающий поник,
□□И далеко упали тени.
Земля свежа. Дианин ясный лик
□□Восходит, полон сладкой лени.
И он зовёт к безгласной тишине,
□□И лишь затем он смотрит в очи,
Чтобы внушить мечту о долгом сне,
□□О долгой, бесконечной ночи.
«Оргийное безумие в вине...»
Оргийное безумие в вине,
Оно весь мир смеясь колышет.
Но в трезвости и в мирной тишине
Порою то ж безумье дышит.
Оно молчит в нависнувших ветвях,
И стережёт в пещере жадной,
И, затаясь в медлительных струях,
Оно зовёт в покой прохладный.
Порою, в воду мирно погружаясь,
Вдруг власть безумия признает тело,
И чуешь ты таинственную связь
С твоей душой губительного дела.
«Я томился в чарах лунных...»
□□Я томился в чарах лунных,
Были ясны лики дивных дев,
И звучал на гусях златострунных
□□Сладостный напев.
□□В тишине замороженной
От подножья недоступных гор
Простирался светлый и бессонный,
□□Но немой простор.
□□К вещей тайне, несказанной
Звал печальный и холодный свет,
И струился в даль благоуханный,
□□Радостный завет.
«Стремленье гордое храня...»
Стремленье гордое храня,
Ты должен тяжесть побороть.
Не отвращайся от огня,
□□Сжигающего плоть.
Есть яд в огне; он – сладкий яд,
Его до капли жадно пей, –
Огни высокие горят
□□И ярче, и больней.
И как же к цели ты дойдешь,
Когда не смеешь ты гореть?
Всё, что ты любишь, чем живёшь,
□□Ты должен одолеть.
Пойми, что, робко плоть храня,
Рабы боятся запалить, –
А ты иди в купель огня
□□Гореть и не сгорать.
Из той купели выйдешь цел,
Омыт спасающим огнём..
А если б кто в огне сгорел,
□□Так что жалеть о нём!
«Меня печаль заморозила...»
Меня печаль заморозила, –
И как её разморозить?
Томит, что прежде мною жило,
Что жадно хочет мною жить.
И вся земля моя страдает,
Томится весь её простор, –
Здесь каждый ландыш увядает,
И угасает каждый взор.
Но где ж начало всех страданий?
Увы, во мне же их исток!
Не я ли сам хотел желаний!
Не я ли сам к себе жесток!

Но если я – творец томленья,
То что ж ропщу я, что тужу?
Блаженной правдой примиренья
Мою печаль разворожу, –
И по извилистым дорогам
Увижу правые пути, –
По крутоярам и по логам
Без утомления идти.
«Ты не бойся, что темно...»
Ты не бойся, что темно.
Слушай, я тебе открою, –
Всё невинно, всё смешно,
Всё Божественной игрою
Рождено и суждено.
Для торжественной забавы
Я порою к вам схожу,
Собираю ваши травы,
И над ними ворожу,
И варю для вас отравы.
Мой напиток пей до дна.
В нём забвенья всех томлений;
Глубина его ясна,
Но великих утолений
Преисполнена она.
Вспомни, как тебя блаженно
Забавляли в жизни сны.
Всё иное – неизменно,
Нет спасенья, нет вины,
Всё легко и всё забвенно.
«В долгих муках разлученья...»
В долгих муках разлученья
Отвергаешь ты меня,
Забываешь час творенья,
Злою карою забвенья
День мечтательный казня.
Что же, злое, злое чадо,
Ты ко мне не подойдёшь?
Или жизни ты не радо?
Или множества не надо,
И отдельность – только ложь?
Не для прихоти мгновенной
Я извёл тебя из тьмы,
Чтобы в день, теперь забвенный,
Но когда-то столь блаженный,
Насладились жизнью мы.
В беспредельности стремленья
Воплотить мои мечты,
Не ушёл я от творенья,
Поднял бремя воплощенья,
Стал таким же, как и ты.
«Я слабею, я темнею...»
Я слабею, я темнею,
Загореться мне невмочь,
Я тоскою-мглою вею,
День гашу, взываю ночь.
Но в ночи моей тревога, –
Шелестит мой тёмный сад,
И пылит моя дорога,
И ручьи мои шумят.
И моя больная дума,
В небе тусклая луна,
От раскаянья угрюма,
От бессилия бледна.
«Я влюблён в мою игру...»
Я влюблён в мою игру.
Я играя сам сгораю,
И безумно умираю,
И умру, совсем умру.

Умираю от страданий,
весь измученный игрой,
чтобы новою зарёй
вывести новый рой созданий.
Снова будут небеса, –
не такие же, как ваши, –
но опять из полной чаши
я рассею чудеса.

«Порочный отрок, он жил один...»

□□Порочный отрок, он жил один,
в мечтах и сказках его душа цвела.

□□В тоске туманной больных долин
его подругой была ночная мгла.

□□Она вплетала в его мечты
и зной и холод, – отраву злых болот.

□□Очарованье без красоты!

Твои оковы никто не разорвёт.

«Наслаждаясь любовью, лобызая милый лик...»

Наслаждаясь любовью, лобызая милый лик,
я услышал над собою, и узнал зловещий клик.

И прикивши к изголовью, обагрённый жаркой кровью,
мой двойник, сверкая взором, издевался над любовью,
засверкала сталь кинжала, и кинжал вонзился в грудь,
и она легла спокойно, а двойник сказал: «Забудь.

Надо быть как злое жало, жало светлого кинжала,
что вонзилось прямо в сердце, но любя не угрожало».

«Не я воздвиг ограду...»

Не я воздвиг ограду,
не мне её разбить.

И что ж! Найду отраду
за той оградой быть.

И что мне помешает
воздвигнуть все миры,
которых пожелает

закон моей игры.

Я призрачную душу

до неба вознесу, –
воздвигну, – и разрушу

мгновенную красу.

Что бьётся за стеною, –

не всё ли мне равно!

Для смерти лишь открою
потайное окно.

«Если есть Иной...»

Если есть Иной,

здесь иль там,

ныне, в час ночной,

явен стань очам.

Погасил я все светила,

и на ложе я возлёг, –

благовонный дым кадила

у моих клубится ног.

Я лежу в дыму курений,

как бессильный бог.

Я не жду ничьих молений, –

лишь тебя, мне чуждый гений,

призываю в мой чертог.

Покажи свой лик,

обрати свой взор

□□на меня!

Или нет владык

у пучин, у гор,

□□у огня?

Бьют, звенят ручьи,

тучи воду пьют, –

как же дни мои,

для чего цветут?

Я возник из почвы дикой,

Я расцвёл в недобрый час.
Для кого пылал костёр великий?
□□Для чего угас?
Сквозь туманный дым кадила
Вижу я нездешние черты.
О, неведомая Сила,
О иной, о дивный, это – Ты!
Ничего вокруг не изменилось,
Но во мне всё сделалось иным, –
Безглагольно тайное открылось,
□□Таёт жизнь моя, как дым.
Знаю я, что нет земного слова
Для Твоих безмолвных откровений,
Знаю я, что мне томиться снова
□□В рабстве тягостных сомнений,
И Твоё мгновенное явленье, –
Призрак или свет, –
Но спасён я в краткое мгновенье,
Всё равно, – то было вдохновенье
□□Или бред.
Алмаз
Д. С. Мережковскому

Легкою игрою низводящий радугу на землю,
Раздробивший непреклонность слитных змиевых речей,
Мой алмаз, горящий ярко беспредельностью лучей,
Я твоим вещаньям вещим, многоцветный светоч, внемлю.
Злой дракон горит и блещет, ослепляя зоркий глаз.
Льётся с неба свет его, торжественно-прямой и белый, –
Но его я не прославлю, – я пред ним поставлю смелый,
Огранённый, но свободный и холодный мой алмаз.
Посмотрите, – разбежались, развизжались бесенята,
Так и блещут, и трепещут, – огоньки и угольки, –
Синий, красный и зелёный, быстры, зыбки и легки.
Но не бойтесь, успокойтесь, – знайте, наше место свято,
И простите бесенятам ложь их зыбкую и дрожь.
Злой дракон не знает правды и открыть её не может.
Он волнуется и тревожит, и томленья наши множит,
Но в глаза взглянуть не смеет, потому что весь он – ложь.
Все лучи похитив с неба, лишь один царить он хочет.
Многоцветный праздник жизни он таит от наших глаз,
В яркой маске лик свой кроет, стрелы пламенные точит, –
Но хитросплетенье злое разлагает мой алмаз.
«Здесь, на этом перекрёстке, в тихий, чуткий час ночной...»
Здесь, на этом перекрёстке, в тихий, чуткий час ночной
Ты стояла предо мною, озарённая луной,
И, бессмертными словами откровенье роковое
Повторяя, говорила, что на свете только двое,
Что в созданьи многоликом только я и только ты
В споре вечном и великом сплетены, но не слиты.
Обе тёмные дороги в ожидании молчали.
Ночь внимала и томилась от восторга и печали.
И в сияньи непорочном, в полуночной тишине
Все дыханья, вновь желанья возвращались все ко мне.
Только ты одна таилась, не стремилась к нашей встрече,
Вещим снам противореча, вечно близко и далече.
«Водой спокойной отражены...»
□□Водой спокойной отражены,
□□Они бесстрастно обнажены
□□При свете тихом ночной луны.
Два отрока, две девы творят ночной обряд,
И тихие напевы таинственно звучат.
Стопами белых ног едва колеблют струи,
И волны, зыбляся у ног, звучат как поцелуи.
□□Сияет месяц с горы небес,
□□Внимает гимнам безмолвный лес,
□□Пора настала ночных чудес.
Оставлены одежды у тёмного пути.

Свершаются надежды, – обратно не идти.
Таинственный порог, заветная ограда, –
Переступить порог, переступить им надо.
□□Их отраженья в воде видны,
□□И все движенья повторены
□□В замороженных лучах луны.
Огонь, пылавший в теле, томительно погас, –
В торжественном пределе настал последний час.
Стопами белых ног, омытыми от пыли.
Таинственный порог они переступили.
«Угас дневной надменный свет...»
Угас дневной надменный свет,
Угомонились злые шумы, –
И наступает ваш рассвет,
Благие творческие думы.
Темнее сумрак за окном,
Светлее кроткая лампада.
В уединении ночном
Успокоение, отрада.
Преображается в мечтах
Дневное горькое томленье,
И всё, что было злость и страх,
Теперь – смиренное моленье,
Благоухая и звеня,
Восходит к Божьему престолу,
А тени суетного дня
Скользя, бледнея, никнут долу.
«Быть простым, одиноким...»
Быть простым, одиноким,
Навсегда, – иль надолго, – уйти от людей,
Любоваться лишь небом высоким,
Лепетание слушать ветвей,
Выходить на лесные дороги
Без казны золотой, без сапог,
Позабыв городские чертоги
И толпу надоедливых, тёмных тревог.
Но на всякой тропинке
Кто-нибудь да идёт
И в руках иль корзинке
Что-нибудь да несёт.
Всюду крики, ауканье, речи,
И ребячий бессмысленный смех,
И ненужные, глупые встречи,
И брэнчанье ненужных потех.
И одежды веригам подобны,
И деньгами оттянут карман,
И голодные нищие злобны,
И в домах притаился обман.
О, пустынная радость!
О, безлюдье далёких равнин!
Тишины безмятежная сладость,
И внимающий – только один.
Милый брат мой, вздымающий крылья
Выше леса и туч,
Из отчизны тупого бессилья
Унеси меня, сладкою мукой измучь...
«Радость навек для тебя недоступна...»
Радость навек для тебя недоступна,
Напрасны одинокие мечты,
Не потому, что ты преступна,
Не потому, что безумна ты.
Как ангел чистый и непорочный,
Утраченный небесною семьёй,
Ты томишься звездой полуночной
Над преступной и безумной землёй.
О, зачем в этом мире ужасном
Посреди этих злых людей
Томишься ты пламенем напрасным,

Забытая родиною своей!
«Склоняясь к смерти и бледнея...»
Склоняясь к смерти и бледнея,
Ты в красоту небес вошла.
Как безнадежная лилея,
Ты, умирая, расцвела.
Такой красы наш мир не знает, –
Ей подобает тишина,
Её весёлость не прельщает,
Её не радует весна.
В ней – неземная благодать,
В ней – вечной тайны благодать.
Она – нездешняя святыня, –
Пред ней – склониться и молчать.
«Дни безрадостно-пустынны...»
Дни безрадостно-пустынны,
Верный спутник мой – тоска,
И она, и я невинны,
Что свобода далека.
Для меня закон – смирение,
Удаление от борьбы,
И безмолвное терпение
В испытаниях судьбы.
Жизнь моя над суетою
Вознеслась, земле чужда,
Предначертанной стезёю,
Непорочная звезда.
«Сквозь пыльный столб, как яркое мечтанье...»
Сквозь пыльный столб, как яркое мечтанье,
□□Пронизаны лучи.
Создатель мой, прости моё страданье
□□И смеху научи.
Сухая пыль вздымается с дороги,
□□Камень на пути.
Наскучило в медлительной тревоге
□□Невесть куда идти.
Томят меня, как знойное дыханье,
□□Небесные лучи.
Создатель мой, прости моё скитанье,
□□Покою научи.
«Мечта далёких вдохновений...»
Мечта далёких вдохновений,
Любовь к иному бытию,
Стреми вдали от воплощений
Твою эфирную ладью.
С моим болезненным томленьем
Святой тоски не сочетаю,
Обрадуй призрачным явленьем
И, невозвратная, растай.
«По тем дорогам, где ходят люди...»
По тем дорогам, где ходят люди,
В часы раздумья не ходи, –
Весь воздух выпьют людские груди,
Проснётся страх в твоей груди.
Оставь селенья, иди далёко,
Или создай пустынный край,
И там безмолвно и одиноко
Живи, мечтай и умирай.
«В чародейном, тёмном круге...»
В чародейном, тёмном круге,
□□всё простив, что было днём,
Дал я знак Моей подруге
□□тихо вспыхнувшим огнём.
И она пришла, как прежде,
□□под покровом темноты.
Позабыл Я все вопросы,
□□и спросил Я: «Кто же ты?»
И она с укором кротким

□□посмотрела на Меня.
Лик её был странно бледен
□□в свете тайного огня.
Вкруг неё витали чары
□□нас обнявшего кольца, –
И внезапно стал Мне внятен
□□очерк близкого лица.
«Венком из руты увенчали...»
Венком из руты увенчали
Меня суровые печали, –
И охладела мысль моя,
В душе смирилася тревога,
Сужу отчётливо и строго,
Моей неправды не тая.
Не поклоняюсь я иному,
Ни богу доброму, ни злему,
Но и не спорю тщетно с ним:
Творцу ль сердиться на созданья?
Огню ль в минуту угасанья
Роптать на пепел и на дым?
Всё благо, – только это тело
В грехах и в злобе закоснело,
Но есть могила для него, –
И смерть бесстрастно я прославлю,
И так же всё легко поправлю,
Как создал всё из ничего.
«Преодолел я дикий холод...»
Преодолел я дикий холод
Земных страданий и невзгод,
И снова непорочно молод,
Как в первозданный майский год.
Вернувшись к ясному смиренью,
Чужие лики вновь люблю,
И снова радуюсь творенью,
И всё цветущее хвалю.
Привет вам, небеса и воды,
Земля, движенье и следы,
И краткий, сладкий миг свободы,
И неустанные труды.
«Огонь, пылающий в крови моей...»
Огонь, пылающий в крови моей,
Меня не утомил.
Ещё я жду, – каких-то новых дней,
Восстановленья сил.
Спешу забыть все виденные сны,
И только сохранить
Привычку к снам, – полуночной весны
Пылающую нить.
Всё тихое опять окрест меня,
И солнце и луна, –
Но сладкого, безумного огня
Душа моя полна.
«Все были сказаны давно...»
Все были сказаны давно
Заветы сладостной свободы, –
И прежде претворялись воды
В животворящее вино.
Припомни брак еврейский в Кане,
И чудо первое Христа, –
И омочи свои уста
Водю, налитой в стакане.
И если верный ученик
В тебе воскреснет, – ток прозрачный
Рассеет сон неволи мрачной,
Ты станешь светел и велик.
Что было светлую воду,
То сердцем в кровь претворено.
Какое крепкое вино!

Какою бьёт оно струёю!
«От курослепов на полях...»
От курослепов на полях
До ярко-знойного светила
В движеньях, звуках и цветах
Царит зиждительная сила.
Как мне не чувствовать её
И по холмам, и по оврагам!
Земное бытие моё
Она венчает злом и благом.
Волной в ручье моём звеня,
Лаская радостное тело,
Она несёт, несёт меня,
Её стремленьям нет предела.
Проснулся день, ликует твердь,
В лесу подружку птица кличет.
О, сила дивная, и смерть
Твоих причуд не ограничит!
«Яркой одет багрянницей...»
Яркой одет багрянницей,
Гладко волосы расчесав,
Тихо идёт он с цевницей
Между увлажненных трав.
Очи отверсты кротки,
Как у невинных невест,
И на руке его чётки,
И на груди его крест.
Шествует тихо в зелёном
Благоуханном саду.
Чёрным одетый хитоном,
Робко за ним я иду.
«Целуйте руки...»
Целуйте руки
У нежных дев,
Широкий плащ разлуки
На них надев.
Целуйте плечи
У милых жён, –
Покой блаженной встречи
Им возведён.
Целуйте ноги
У матерей, –
Над ними бич тревоги
За их детей.
«Не поверь лукавой лжи...»
Не поверь лукавой лжи,
Не тужи, не ворожи,
□□Покоряйся.
Что пропало, не вернёшь,
Ждёшь чего, то, верно, ложь,
□□Не прельщайся.
Краток праздник бытия.
Жизнь твоя и не твоя, –
□□Наслаждайся.
«Твоя душа – кристалл, дрожащий...»
Твоя душа – кристалл, дрожащий
В очарованьи светлых струй,
Но что ей в жизни предстоящей?
Блесни, исчезни, очаруй!
В очарованиях бессилен
Горящий неизменно здесь.
Наш дольний воздух смрадно пылен,
Душе мила иная весь.
«Не люблю, не обольщаюсь...»
Не люблю, не обольщаюсь,
Не привязываюсь к ним,
К этим горько-преходящим
Наслаждениям земным.

Как ребёнок развлекаюсь
Мимолётною игрой,
И доволен настоящим, –
Полднем радостным и тьмой.
«Если невольно...»
□□Если невольно
Слёзы польются из глаз, –
В небо гляжу богомольно
□□В полуночный час.
□□Слёзы печали
Звёзд не затмят ни на миг.
Ясные звёздные дали
□□Я сердцем постиг.
«Слышу голос милой...»
Слышу голос милой,
Вижу милый лик.
Не моей ли силой
Милый лик возник?
Разве есть иное?
В тишине долин
Мы с тобой не двое, –
Я с тобой один.
Мне ль цветком измятым
К нежной груди льнуть!
Сладким ароматом
Мне, как прежде, будь.
«Я дорогой невинной и смелою...»
Я дорогой невинной и смелою
Прохожу, ничего не тая.
Что хочу, то могу, то и делаю, –
□□Вот свобода моя.
Научитесь хотенью упорному,
Наберитесь ликующих сил,
Чтоб зовущий к пристанищу чёрному
□□Вас косой не скосил, –
И поверьте великим вещаниям,
Что свобода не ведает зла,
Что она только ясным желаньям
□□Силу жизни дала.
«Я подарю тебе рубин...»
Я подарю тебе рубин, –
В нём кровь горит в моём огне.
Когда останешься один,
Рубин напомнит обо мне.
В нём кристаллический огонь
И металлическая кровь, –
Он тихо ляжет на ладонь
И обо мне напомнит вновь.
Весь окровавленный кристалл
Горит неведомым огнём.
Я сам его зачаровал
Безмолвным, неподвижным сном.
Не говорит он о любви,
И не любовь в его огне, –
В его пылающей крови
Ты вспомнишь, вспомнишь обо Мне.
«Своеволием рока...»
□□Своеволием рока
Мы на разных путях бытия, –
□□Я – печальное око,
Ты – весёлая резвость ручья;
□□Я – томление злое,
Ты – прохладная влага в полях,
□□Мы воистину двое,
Мы на разных, далеких путях.
□□Но в безмолвии ночи,
К единению думы склоня,
□□Ты закрой свои очи,

Позабудь наваждения дня, –
□□И в блаженном молчаньи
Ты постигнешь закон бытия, –
□□Всё едино в созданыи,
Где сознанью возникнуть, там Я.
«Околдовал я всю природу...»
Околдовал я всю природу,
И оковал я каждый миг.
Какую страшную свободу
Я, чародействуя, постиг!
И развернулась без предела
Моя предвечная вина,
И далеко простёрлось тело,
И так разверзлась глубина!
Воззвав к первоначальной силе,
Я бросил вызов небесам,
Но мне светила возвестили,
Что я природу создал сам.
«В последнем свете злого дня...»
В последнем свете злого дня,
В паденьи сил, в затменьи Бога,
Перед тобой Моя дорога.
Приди ко Мне, люби Меня.
В мирах всё призрачно и тленно,
Но вот Я заповедь даю,
Она вовеки неизменна:
Люби Меня и жизнь Мою.
Я – всё во всём, и нет Иного.
Во Мне родник живого дня.
Во тьме томления земного
Я – верный путь. Люби Меня.
«Не говори, что здесь свобода...»
Не говори, что здесь свобода,
И не хули моих вериг, –
И над тобою, мать-природа,
Мои законы я воздвиг.
Я начертал мои законы
На каждом камне и стволе.
Звени, ручей, лобзая склоны,
Влачись по низменной земле.
Ласкайся к змею золотому,
Прозрачный пар, стремися ввысь,
Но к лону тёмному, земному
В свой срок послушно воротись.
Простора нет для своеволия, –
В свой срок и птицам, и цветам
Я, жизнь им давший и раздолья,
В земле успокоенье дам.
«Не кончен путь далекий...»
Не кончен путь далекий.
Усталый, одинокий,
Сижу я в поздний час.
Туманны все дороги,
Роса мне мочит ноги,
И мой костёр погас,
И нет в широком поле
Огня и шалаша...
Ликуй о дикой воле,
Свободная душа!
Всё в этом тёмном поле
Одной покорно Воле.
Вся эта ночь – моя!
И каждая былинка,
И каждая росинка,
И каждая струя, –
Всё мне согласно внемлет,
Мечтой моей дыша.
В моём томленьи дремлет

Всемирная душа.
Далёк предел высокий.
Усталый, одинокий,
Над влажною золой,
я сам собою светел, –
я путь себе наметил
Не добрый и не злой, –
И нет в широком поле
Огня и шалаша...
Ликуй о дикой воле,
Свободная душа!
«То не слёзы, – только росы, только дождь...»
То не слёзы, – только росы, только дождь,
Не раздумье, – только тени тёмных роц,
И не радость, – только блещет яркий змей, –
Всё же плакать и смеяться ты умеи!
Плоть и в свете неподвижна и темна,
Над огнями бездыханна, холодна.
В тёмном мире неживого бытия
Жизнь живая, солнце мира – только я.
«Благоухающий и бледный...»
Благоухающий и бледный,
Ты ждал меня, мой ландыш бедный,
И без меня в тоске поблэк,
А я замедлил на дороге,
И я, как ты, в немой тревоге,
В уединеньи изнемог.
В больной тоске разъединенья
Влачились дней безумных звенья,
Я раскрывал за далью даль,
Мечтам не ставил я предела,
И над тобой отяготела
Моя холодная печаль.
В просветы листьев над тобою
Синел бездонной глубиною
Невозмутимый мой простор.
я был безумным и жестоким,
И над тобой шатром высоким
я смерть всемирную простёр.
«Разъединить себя с другим собою...»
Разъединить себя с другим собою, –
великая ошибка бытия.
Здесь дышит всё насильем и борьбою,
дубравы шум, и ветра гул, и плеск ручья.
Разъединить себя с другим собою –
О, для чего придумал я!
И был я долго очарован
Моей печальною и лживою мечтой,
Нетленной цепью, временем, окован,
Пространством сжат, – могильною плитой.
И был я тяжко очарован
Многообразной и мгновенной красотой.
И, наконец, игра мне надоела, –
Пустая, тленная, напрасная игра.
Ниспали чары с творческого дела,
Развенчаны властители добра, –
игра бесцельная мне надоела,
Соединить себя с другим собой пора.
«Опьянение печали, озаренье тихих, тусклых свеч...»
Опьянение печали, озаренье тихих, тусклых свеч, –
Мы не ждали, не гадали, не искали на земле и в небе встреч.
Обагрят землю кровью, мы любовью возрастили те цветы,
Где сверкало, угрожая, злое жало безнадёжной красоты.
И в пустынях терпеливых нами созданной земли
В напряжении мечтанья и желанья вдруг друг друга мы нашли,
Для печали и для боли, для безумия, для гроз...
Торжество безмерной Воли, это я тебя вознёс.
«На гибельной дороге...»

На гибельной дороге
Последним злом греша,
В томительной тревоге
Горит Моя душа.
Святое озаренье
Унылых этих мест,
Сияло утешенье,
Яснейшая из звёзд.
Но, чары расторгая
Кругом обставших сил,
Тебя, надежда рая,
я дерзко погасил.
И вот – подъямлю стоны,
Но подвиг Мой свершу:
Бессмертные законы
Бесстрастно напишу.
Творенья не покину,
Но, всё ко Мне склоня,
Дам заповедь едину:
Люби, люби Меня.
Венчан венцом терновым,
Несметные пути
Воздвигну словом новым,
Но всё – ко Мне идти.
Настал конец утехам,
Страдать и Мне пора, –
Гремят безумным смехом
Долина и гора.
Но заповедь едину
Бесстрастно я простёр
На темную долину,
На выси гордых гор.
«Я один в безбрежном мире, я обман личин отверг...»
я один в безбрежном мире, я обман личин отверг.
Змий в пылающей порфире пред моим огнём померк.
Разделенья захотел я – и воздвиг широкий круг,
Вольный мир огня, веселья, сочетаний и разлук.
Но наскучила мне радость переменчивых лучей,
я зову иную сладость, – слитность верную ночей.
Темнота ночная пала, скрылась бледная луна,
И под сенью покрывала ты опять со мной одна.
Ты оставила одежды у порога моего.
Исполнение надежды – радость тела твоего.
Предо мною ты нагая, как в творящий первый час.
Содрогаюсь и вздыхая, ты нагая. Свет погас.
Ласки пламенные чую, вся в огне жестоком кровь.
Весть приемлю роковую: «Ты один со мною вновь».
«Подымаю бессонные взоры...»
Подымаю бессонные взоры,
И луну в небеса вывожу,
В небесах зажигаю узоры
И звездами из них ворожу,
Насылаю безмолвные страхи
На раздолье лесов и полей,
И бужу беспокойные взмахи
Окрылённой угрозы моей.
Окружился я быстрыми снами,
Позабылся во тьме и в тиши,
И цвету я ночными мечтами
Бездыханной вселенской души.
«Я здесь один, жесток мой рок...»
я здесь один, жесток мой рок,
А ты покоишься далече, –
Но предустановлен Богом срок,
Когда свершиться нашей встрече.
В пыли томительных дорог
Окончив путь из веси дальней,
Ты станешь тихо на порог

Моей обители печальной.
В невозмутимой тишине,
К мерцанью свеч из мрака ночи
Ты подойдешь, потупив очи,
Ты ничего не скажешь мне.
Не засияют ярче свечи,
И за окном не дрогнет мрак,
И никакой дня нашей встречи
Не будет явлен внешний знак,
Но Божьим радуясь веленьям,
Согласованьям бытия,
Внезапным вспыхнет вдохновеньем
Душа усталая моя.
Так, верю я, – для дивной встречи
Предустановлен тайный срок.
Покойся ж, верный друг, далече,
Томи меня, жестокий рок!
«Обольщенья и печали...»
Обольщенья и печали,
Отойдите от меня.
Вы не раз меня венчали,
Чаровали, величали,
Слаще ночи, ярче дня.
Ваши ласки были жгучи,
Как лобзания бича, –
Но пора! Иные тучи
Надо мной, дорога круче, –
И к чертогу нет ключа.
«Почему не подчиняться?..»
Почему не подчиняться?
Почему не заблуждаться?
Есть ли где закон чужой?
И не я ли всё объеблю, –
Небо, пламя, воду, землю,
Созидающей душой?
Наслажденья и мученья,
Заблужденье и прозренья,
Всё свершаю топько я,
Воздвигаю все стихии,
Все уделы роковые,
В самовольстве бытия.
«Равно для сердца мило...»
Равно для сердца мило,
Равно волнует кровь –
И то, что прежде было,
И то, что будет вновь,
И тёмная могила,
И светлая любовь.
А то, что длится ныне,
Что мы зовём своим,
В безрадостной пустыне
Обманчиво, как дым.
Томимся о святыне,
Завидуем иным.
«Светлой предутренней грёзой...»
Светлой предутренней грёзой,
Очерком тонким и нежным,
Девственно-белою розой
Светится в сердце мятежном, –
Нет, не земною женою,
Нет, не из дольных селений!
Это – туманной порою
Небом потерянный гений.
«В светлый день похоронили...»
В светлый день похоронили
Мы склонившую тень.
Кто безгласен был в могиле,
Тот воскрес в великий день, –

И светло ликует с нами,
Кто прошёл сквозь холод тьмы,
Кто измучен злыми снами
В тёмных областях зимы.
Иван-Царевич
Сел Иван-Царевич
На коня лихого.
Молвил нам Царевич
Ласковое слово:
«Грозный меч подъямлю,
В бой пойду я рано,
Заберу всю землю
Вплоть до океана».
Год проходит. Мчится
Вестник-воин бледный.
Он поспешно мчится,
Шлем иссечен медный.
«Сгибли наши рати
Силой вражьей злобы.
Кстати иль некстати,
Запасайте гробы.
Наш Иван-Царевич
Бился с многой славой». –
«Где ж Иван-Царевич?» –
«В битве пал кровавой».
«Давно в степи блуждая дикой...»
Давно в степи блуждая дикой,
Вдали от шумного жилья,
Внезапно благовест великий,
Соборный звон услышал я.
Охвачен трепетным смятеньем,
Забывши тесный мой шалаш,
Спешу к проснувшимся селеньям,
Твержу: «Товарищи, я – ваш!»
Унынье тёмное уснуло,
Оставил душу бледный страх, –
И сколько говора и гула
На перекрёстках и путях!
«Клеветники толпою чёрной...»
Клеветники толпою чёрной
У входа в город нам кричат:
«Вернитесь! То не звон соборный,
А возмущающий набат».
Но кто поверит лживым кликам?
Кому их злоба не ясна,
Когда в согласии великом
Встаёт родимая страна?
«В толпе благим вещаньям внемлют...»
В толпе благим вещаньям внемлют.
Соборный колокол велик,
Труды бесстрашные подъямлют
Его торжественный язык.
Он долго спал, над колокольней
Зловещим призраком вися,
Пока дремотой подневольной
Кругом земля дремала вся.
Свободный ветер бури дальней,
Порою мчась издалека,
Не мог разрушить сон печальный,
Колыша медные бока.
И лишь порою стон неясный
Издаст тоскующая медь,
Чтобы в дремоте безучастной
Опять бессильно онеметь.
Но час настал, запрет нарушен,
Разрушен давний тяжкий сон,
Порыву гордому послушен
Торжественно-свободный звон.

«Слепой судьбе противореча...»

Слепой судьбе противореча,
Горит надеждами восток,
И праздник радостного веча,
Великий праздник, недалёк.
Он куплен кровью наших братий,
Слезам матерей омыт,
И вопль враждующих проклятий
Его победы не смутит.

Время битвы

Наше злое время – время лютой битвы.
Прочь кимвал и лиру! Гимнов не просите,
Золотые струны на псалтири рвите!
Ненавистны песни, не к чему молитвы.
О щиты мечами гулко ударяя,
Дружно повторяйте клич суровой чести,
Клич, в котором слышен голос кровной мести,
Клич, в котором дышит сила огневая.
Песни будут спеты только после боя,
В лагере победы, – там огни зажгутся,
Там с гремющей лиры звуки понесутся,
Там польётся песня в похвалу героя.
Над телами ж мёртвых, ночью после сечи,
Будет петь да плакать только ветер буйный
И, плеща волною речки тихоструйной,
Поведёт с лозою жалобные речи.

Гимны Родине

1

О Русь! В тоске изнемогая,
Тебе слагаю гимны я.
Милее нет на свете края,
О родина моя!
Твоих равнин немые дали
Полны томительной печали,
Тоскою дышат небеса,
Среди болот, в бессильи хилом,
Цветком поникшим и унылым,
Восходит бледная краса.
Твои суровые просторы
Томят тоскующие взоры
И души, полные тоской.
Но и в отчаяньи есть сладость.
Тебе, отчизна, стон и радость,
И безнадежность, и покой.
Милее нет на свете края,
О Русь, о родина моя.
Тебе, в тоске изнемогая,
Слагаю гимны я.

2

Люблю я грусть твоих просторов,
Мой милый край, святая Русь.
Судьбы унылых приговоров
Я не боюсь и не стыжусь.
И все твои пути мне милы,
И пусть грозит безумный путь
И тьмой, и холодом могилы,
Я не хочу с него свернуть.
Не заклинаю духа злого,
И, как молитву наизусть,
Твержу всё те ж четыре слова:
«Какой простор! Какая грусть!»

3

Печалью, бессмертной печалью
Родимая дышит страна.
За далью, за синею далью
Земля весела и красна.
Свобода победы ликует
В чужой лучезарной дали,

Но русское сердце тоскует
Вдали от родимой земли.
В безумных, в напрасных томленьях
Томясь, как заклятая тень,
Тоскует о скудных селеньях,
О дыме родных деревень.
Неурожай
Над полями ходит и сердито ропщет
□□□□Злой Неурожай,
Взором землю сушит и колосья топчет, –
□□□□Стрибог, помогай!
Ходит дикий, злобный, хлеб и мнёт, и душит,
□□□□Обошёл весь край,
И повсюду землю гневным взором сушит, –
□□□□Стрибог, помогай!
Губит наших деток неподвижным взором
□□□□Злой Неурожай.
Голодом томимы, молим хриплым хором:
□□□□Стрибог, помогай!
«Не доживу до светлых дней...»
Не доживу до светлых дней,
Не обрету тебя, свобода,
И вдохновенного народа
Я не увижу. В мир теней,
Как от пустого сновиденья,
Я перейду без сожаленья
И без тоски. Но всё же я
Из тёмных недр небытия
Хотел бы встать на час единый, –
Перед всемирною кончиною
Изведать ясность жития!
«О как мы слабы и ничтожны!..»
О как мы слабы и ничтожны!
Мы и смеёмся и рыдаем.
Слова и взоры наши ложны,
И правды мы не знаем.
Блажен могучий и покорный.
В нём есть терпенье и решимость.
Пред светлым днём, пред ночью чёрной
Он сохранит невозмутимость.
«Розы битв жестоких...»
Розы битв жестоких
На полях далёких,
Алой крови розы
На полях чужбины.
Матерей томленье,
Слёзы и моленье
Льются, льются слёзы,
Слёзы злой кручины.
Жарким летом
Безумно душен и тяжёл
Горячий воздух. Лютый, красный,
Дракон качается, – напрасный
И безнадежный произвол.
Долину сонную объемлет
Изнемогающая лень,
И тишина в полях, и дремлет
□□Лесная тень.
Не отдыхает в поле жница.
Её бичует лютый зной.
Не раз невольною слезой
Её увлажнена ресница.
С серпом сгибается она,
Не видя грозных нив лазури, –
Но близость бури, милой бури,
Её томлению ясна...
И ярой бури ждёт долина,
И неподвижно вся молчит,

И только робкая осина
Тихонько листьями дрожит.
«Ожиданья дни жестоки...»
Ожиданья дни жестоки.
Истомилася любовь.
На враждующем востоке
Льётся братьев наших кровь.
И, о мире воздыхая,
Слёзно Господа моля,
Вся от края и до края
Стонет русская земля.
Слёзы матери печальной!
Кто ведёт вам поздний счёт?
Кто стране многострадальной
Утешенье принесёт?
«Для чего этой тленной жизнью болеть...»
Для чего этой тленной жизнью болеть
И к утехам её мимолётным стремиться?
Есть блаженство одно: сном безгрёзным забыться
□□□Навсегда, – умереть.
Вот волна набежала на влажный песок,
Прошептала прощальный привет и разбилась;
Вот в далёком окошке потух огонёк,
□□□Вот звезда, догорая, скатилась.
В умираньи, в безропотном этом мельканьи
Для души, безнадежно отравленной, есть
Благодатная тайна, – о вечном созданы
□□□Вожденная весть.
«Высоко я тебя поставил...»
Высоко я тебя поставил,
Светло зажёлг, облёк в лучи,
Всемирной славою прославил,
Но от склонений не избавил,
И в яркий жар твой я направил
Неотразимые мечи.
Горишь ли ты над небосклоном,
Иль утомлённый клонишь лик,
Мои мечи с тяжёлым звоном
Тебя разят, – и долгим стоном
Моим ответствуя законам,
Ты к алым областям приник.
И уж напрасно хочешь целым
Остаться ты, надменный Змей,
Святым, торжественным и белым, –
Я волю дал восстаньям смелым.
Стремись же к пламенным пределам,
И, тяготей, пламеней.
«Я печален, я грешен...»
□□Я печален, я грешен, –
Только ты не отвергни меня.
Я твоей красотой утешен
В озареньи ночного огня.
□□Не украшены стены,
Жёлтым воском мой пол не натёрт,
Я твоей не боюсь измены,
Я великою верою твёрд.
□□И на шаткой скамейке
Ты, босая, сидела со мной,
И в тебе, роковой чародейке,
Зажигался пленительный зной.
□□Есть у бедности сила, –
И печалью измученный взор
Зажигает святые светила,
Озаряет великий простор.
«Как тучки в небе, в сердце тают...»
Как тучки в небе, в сердце тают
Желанья гордые мои,
И голоса мечты смолкают,

Как на рассвете соловьи.
Забыв надменные порывы,
Ловя попутную струю,
Стремлю в покойные заливы
□□Мую ладью, –
И там, где тёмной тенью вётел
я буду кротко осенён,
Всё то, чем душу я заботил,
Отвечет непробудный сон.

«Тихая дорога...»

Тихая дорога,
И над нею сосны.
Отдохнём немного,
Комары несносны.
Смотрят дети хижин
В тихом нетерпении,
Но залив недвижим,
Лодки в отдалении.
Видишь, – на закате
Тихо и багряно.
Стёкла в дальней хате
Светятся румяно.

«Птицы ранние чирикали...»

Птицы ранние чирикали, –
□□Ты надела сарафан,
Не тебя ли это кликали
□□За ночной туман?
Чуть прикрыта тканью тонкою,
□□Без платка и босиком,
С песней радостной и звонкою,
□□Ты проходишь под окном.
Над тобой ветвями сочными
□□Зашумел зелёный сад, –
За мечтами непорочными
□□Очи весело глядят.
Дали всё ещё туманятся,
□□На траве ещё роса, –
Щёки нежные румянятся,
□□Развевается коса.

«Тропинка вьётся...»

□□Тропинка вьётся,
□□Река близка,
И чья-то песня раздаётся
□□Издадека.
□□Из-за тумана
□□Струясь, горя,
Восходит медленно и рано
□□Моя заря.

□□И над рекою
□□Проходишь ты.
Цветут над мутной глубиною
□□Твои мечты.

□□И нет печали,
□□И злых тревог, –
Росинки смехом задрожали
□□У милых ног.

«Прохладная забава...»

Прохладная забава, –
Скамейка челнока,
Зелёная дубрава,
Весёлая река.
В простой наряд одета,
Сидишь ты у руля,
Ликующее лето
Улыбкою хваля.
Я тихо подымаю
Два лёгкие весла.
Твои мечты я знаю, –

Душа твоя светла.
Ты слышишь в лепетаны
Прозрачных, тихих струй
Безгрешное мечтанье,
Невинный поцелуй.
«Прозрачный сок смолистый...»
Прозрачный сок смолистый,
Застывший на коре.
Пронизан воздух мглистый
Мечтаньем о заре.
Скамейка у забора,
Далёкий плеск реки.
Расстаться надо скоро...
Пожатие руки...
Ты скрылась в тень густую
В замолкнувшем саду.
Гляжу во мглу ночную,
Один в полях иду.
Застенчивой весною,
Стыдясь белых ног,
Не ходишь ты со мною
Просторами дорог.
Но только ноги тронет
Едва-едва загар,
Твой легкий стыд утонет
В дыханьи вешних чар,
И в поле ты, босая, –
В платочке голова, –
Пойдёшь, цветкам бросая
Весёлые слова.
«Опять заря смеяться стала...»
Опять заря смеяться стала,
Про ночь забыли небеса,
И переливно задрожала
На свежей зелени роса.
Ты гордый стыд преодолела,
Ты победила сонм тревог,
И пышных платьев не надела,
И не обула нежных ног.
Конец исканиям мятежным.
Один лишь путь, смиренный – прав.
К твоим ногам, в лобзаньи нежном,
Приникли стебли тихих трав.
И свежесть утренней прохлады
Тебя лаская обняла.
Цветы душисты, птицы рады,
Душа свободна и смела.
«Прикосновенье сочных трав...»
□□Прикосновенье сочных трав
К твоим ногам и ласково, и нежно.
Смиренный путь спасителен и прав,
□□А ты бежал его мятежно.
□□Теперь, спокойный и простой,
Ты вышел на простор и рад простору.
И небо так спокойно над тобой,
□□И так вся даль доступна взору.
«Убитые камнем дороги жестоки...»
Убитые камнем дороги жестоки.
Лесная прохлада, обвей, очаруй.
Кто вброд переходит лесные потоки,
Тот знает, как сладки лобзания струй.
Омытые ноги высоко открыты,
Целуя колени, ликует волна.
От света, от ветра не надо защиты,
Смеяться не станет в лесу тишина.
«Вдали от скованных дорог...»
Вдали от скованных дорог,
□□В сиянии заката,

Прикосновеньем нежным ног
□□Трава едва примята.
Прохлада веет от реки
□□На знойные ланиты, –
и обе стройные руки
□□Бестрепетно открыты.
И разве есть в полях цветы,
□□И на небе сиянье?
Улыбки, шёпот, и мечты,
□□И тихое лобзанье.
«Люби меня ясно, как любит заря...»
Люби меня ясно, как любит заря,
жемчуг рассыпая и смехом горя.
Обрадуй надеждой и лёгкой мечтой
И тихо погасни за мгливой чертой.
Люби меня тихо, как любит луна,
Сияя бесстрастно, ясна, холодна.
Волшебством и тайной мой мир освети, –
Помедлим с тобою на тёмном пути.
Люби меня просто, как любит ручей,
Звеня и целуя, и мой, и ничей.
Прильни и отдайся, и дальше беги.
Разлюбишь, забудешь, – не бойся, не лги.
«Настало время чудесам...»
Настало время чудесам.
Великий труд опять подьёмлю.
Я создал небеса и землю,
И снова ясный мир создам.
Настало творческое время.
Земное бремя тлеет вновь
Моя мечта, моя любовь
Восставит вновь иное племя.
Подруга-смерть, не замедляй,
Разрушь порочную природу,
И мне опять мою свободу
Для созидания отдай.
«Жизнь проходит в лёгких грёзах...»
Жизнь проходит в лёгких грёзах,
Вся природа – тихий бред, –
И не слышно об угрозах,
И не видно в мире бед.
Успокоенное море
Тихо плещет о песок.
Позабылось в мире горе,
Страсть погибла, и порок.
Век людской и тих, и долог
В безмятежной тишине,
Но – зачем откинут полог,
Если въявь, как и во сне?
Змеиные очи
«Лес, озарённый луною...»
Лес, озарённый луною,
Ждёт не дожждётся чудес.
Тени плывут над рекою.
Звёзды сияют с небес.
В поле, в одежде туманной,
Ходит неведомый сон.
В сон, непонятный и странный,
Лес, как душа, погружён.
«Под черёмухой цветущей...»
Под черёмухой цветущей
Я лежал в июльский зной,
И вероники ползущей
Цвет увидел голубой.
Стало весело. На небе ль,
На земле ли, – я не знал.
Я сорвал ползучий стебель,
И листки поцеловал,

И, покрыты волосками,
Были нежны те листки,
Словно я прильнул губами
К локтю девичьей руки.
«Плеснула рыбка под водой...»
Плеснула рыбка под водой,
И покачнулась там звезда.
Песок холодный и сырой,
А в речке тёплая вода.
Но я купаться подожду, –
Слегка кружится голова, –
Сперва я берегом пройду.
Какая мокрая трава!
И как не вздрогнуть, если вдруг
Лягушка прыгнет стороной,
Иль невзначай на толстый сук
Наступишь голою ногой!
Я не боюсь, но не пойму,
Зачем холодная трава,
И тёмный лес, и почему
Так закружилась голова.
«Как согласно сердце бьётся...»
Как согласно сердце бьётся
С полуночной тишиной!
Как послушно подаётся
Прах дорожный подо мной!
Ночь светла, мне сны не снятся,
Я в полях иду босой.
Тихо травы серебрятся,
Брызжут на ноги росой.
Речка плещет и струится
Там, за тихую горой,
Чтоб со мной повеселиться
Смехом, пляской да игрой.
Как отрадно окунуться,
Брызгать тёплой водой!
Только ты не смей проснуться,
Водяной, старик седой!
«Твоя печаль осенена...»
Твоя печаль осенена
Сосною мрачной да берёзой.
К тебе лесная тишина
Прильнула с ласковою грёзой.
Сегодня поутру лоза
Твоё лобзала жадно тело,
А здесь – последняя слеза
С твоей щеки сейчас слетела.
И жгучий стыд, и боль, и страх
Уже забыты понемногу, –
Ручей звенит, и луг в цветах,
На воле ты, – и слава Богу.
«Забелелся туман за рекой...»
Забелелся туман за рекой.
Этот берег совсем невысок,
И деревья стоят над водой,
И теперь я совсем одинок.
Я в кустах поищу хворостин,
И в костёр их на берег сношу,
И под ними огонь воскрешу,
Посижу, помечтаю один.
И потом, по теченью реки,
Потихоньку пойду босиком, –
А завиху вдали огоньки,
Буду знать я, что близок мой дом.
«Ночь усмирила меня...»
Ночь усмирила меня,
Нет голосов и огней.
Только желанием дня

Будит мечты соловей.
Только пред тем, чтобы спать,
Полная светит луна.
Лечь-то я лёг на кровать, –
Глаз не отвести от окна.
Встал бы, пошёл поскорей
Там, по траве, по сырой.
Нет, на подушке моей
Сон над моей головой.
«В безмолвной пустыне...»
В безмолвной пустыне,
Где жаркий песок и гранит,
Где небо безоблачно-сине,
Где жгучее солнце блестит,
Стоит под скалой одиноко
Забытая арфа и ждёт,
Что ветер, примчась издалёка,
Тихонько в струнах запоёт.
Встречает пустыня нагая
Нагие, горячие дни.
Над арфой немой пролетая,
В ней звуков не будят они.
И ночи летят торопливо, –
На их молчаливый полёт
Молчание смотрит ревниво,
И струн им задеть не даёт.
Золушка

□□Радостно-чистый
Образ простой красоты,
Милый, как ландыш душистый, –
Это, смиренная, ты.

□□Вечно в загоне,
Вечно в тяжёлых трудах.
Сестры – ленивые сони,
Дом у тебя на руках.

□□Чем тебе плотят?
Брань да попреки всегда,
А иногда поколотят!
Ты говоришь: «Не беда!»

□□Только немного,
Если уж станет невмочь,
Плачешь, таясь у порога,
О, нелюбимая дочь.

□□Ясные глазки,
Золушка, вытри скорей,
Верь в исполнение сказки,
Жди утешительных дней.

□□Скоро хрустальный
Будет готов башмачок,
И повезут тебя в дальний,
Раззолочённый чертог.

□□Радостно-чистый
Образ простой красоты,
Милый, как ландыш душистый, –
Это, смиренная, ты.

Выбор
На перепутьи бытия,
Томясь таинственной тревогой,
Стоял и долго думал я,
Какою мне идти дорогой.
И появились предо мной
Два духа: светлый дух мечтаний,
Сиявший горней белизной,
И строгий дух земных исканий.
Надежды радостный фиал
От духа нежного я взял,
И на фиале надпись: «Слава».
Не отрываясь, грёзы пью, –

И вот холодная отрава
Сгущает быстро кровь мою.
Я вижу, – выбор был ошибкой, –
И кубок падает, звеня,
А гений жизни от меня
Летит с презрительной улыбкой.
«Живи и верь обманам...»
Живи и верь обманам,
И сказкам и мечтам.
Твоим душевным ранам
Отрадный в них бальзам.
И жизни переменной
Нектар кипучий пей,
Напиток сладкопенный
Желаний и страстей.
За грани жизни дольной
Очей не устремляй,
И мыслью своевольной,
Природы не пытай.
Вещают тайну тени.
Для смелого ума
В них смертные ступени,
Предсказанная тьма.
О, смертный, верь обманам,
И сказкам, и мечте,
Дивись мирским туманам,
Как вечной красоте.
«Навек налажен в рамках тесных...»
Навек налажен в рамках тесных
Строй жизни пасмурной, немой.
Недостижимей звёзд небесных
Свободной жизни блеск и зной.
Одной мечтою в час досуга
Я обтекаю вольный свет,
Где мне ни подвига, ни друга,
Ни наслаждений бодрых нет.
Томясь в завистливой печали,
Слежу задумчиво тогда,
Как выплывают из-за дали
Деревни, степи, города,
Мелькают лица, платья веют,
Смеются дети, солнце жжёт,
Шумят стада, поля пестреют,
Несутся кони, пыль встаёт...
Ручья лесного нежный ропот
Сменяет рынка смутный гул.
Признания стыдливый шёпот
В базарных криках потонул.
«Уйдёшь порой из солнечной истомы...»
Уйдёшь порой из солнечной истомы
□□В лесной приют, –
Но налетают жалящие гномы,
□□И крови ждут.
Лесной тиран, несносная добука,
□□Комар-палач!
Твой тонкий писк томителен, как скука,
□□Как детский плач.
«Голос наш ужасен...»
Голос наш ужасен
Нашим домовым;
Взор наш им опасен, –
Тают, словно дым.
И русалки знают,
Как мы, люди, злы, –
Вдалеке блуждают
Под защитой мглы.
Нечисть вся боится
Человечьих глаз,

И спешит укрыться, –
Сглазим мы как раз.
«Небо жёлто-красное зимнего заката...»
Небо жёлто-красное зимнего заката,
Колокола гулко-заунывный звон...
Мысли, проходящие смутно, без возврата,
Сердца наболевшего неумолчный стон...
Снегом занесённые, улицы пустые,
Плачу колокольному внемлющая тишь...
Из окошка вижу я кудри дымовые,
Вереницы тесные деревянных крыш.
Воздух жгучим холодом чародейно скован.
Что-то есть зловещее в этой тишине.
Грустью ожидания разум очарован.
Образы минувшего снова снятся мне.
«Вот у витрины показной...»
Вот у витрины показной
Стоит, любясь, мальчик бедный.
Какой он худенький, и бледный,
И некрасивый, и больной!
Блестят завистливо и жадно
Его широкие глаза.
Порой сверкнёт на них слеза,
И он вздыхает безотрадно.
Вот нагледелся он, идёт.
Вокруг него шумит столица.
Мечтаний странных вереница
В душе встревоженной растёт.
«Я ждал, что вспыхнет впереди...»
Я ждал, что вспыхнет впереди
Заря, и жизнь свой лик покажет
□□□И нежно скажет:

«Иди!»

Без жизни отжил я, и жду,
Что смерть свой бледный лик покажет
□□□И грозно скажет:
«Иду!»

«Вчера в бессилие печали...»
Вчера в бессилие печали
Я был угрюмо погружён, –
Слова докучные звучали,
И чьи-то тяжкие шаги.
Из-за угла за мной следили
Глаза неустомимых жён,
За мной по улицам ходили
Неумолимые враги.
«Настроений мимолётных...»
Настроений мимолётных
Волны зыбкие бегут
И стремлений безотчётных
Пену мутную несут.
Сменой их нетерпеливой
Как душа утомлена!
Как тревогою ревнивой
О промчавшемся полна!
Лаской, негой, песней звучной,
О, волшебница любовь!
Задержи полёт докучный
Исчезающих часов.
Оборви рукою нежной
Ту связующую нить,
Что из сердца в мир безбрежный
Я, безумец, вздумал свить!
Отгони своим дыханьем
Звуки жизни, жизни сны,
И повеи очарованьем
Расцветающей весны.
Очаруй мой дух унылый,

Утомлённый и больной,
Грёзой девственной и милой,
Небледнеющей мечтой.
«Не рождена притворством...»
...Не рождена притворством
Больная песнь моей тоски:
Её жестокие тиски
Ни трудовым моим упорством,
Ни звонкой радостью весны
Не могут быть побеждены.
Её зародыши глубоки,
Её посеяли пороки,
И скорбь слезами облила,
И солнце правды беспощадной
Дарует жизни безотрадной
Довольно света и тепла.
«Цветы роняют вешний аромат...»
Цветы роняют вешний аромат,
Слова теряют смысл первоначальный,
Сменился юный пыл досадою печальной,
И песни прежние докучливо звучат, –
И лишь позор нагого преступленья
□□Заманчив, как всегда,
И сладко нам немое исступленье
□□Безумства и стыда.
«Полон дикими мечтами...»
Полон дикими мечтами,
Устремил я взоры в твердь,
Где лазурными очами
И блестящими лучами
Улыбается мне смерть.
Там прозрачно тучи тают,
Там покорно и мертво,
Там багряно умирают
Грёзы сердца моего.
На лицо моё упали
Беспощадные лучи,
Как могучий вопль печали,
Безотрадно горячи.
Укоризненно и строго
Ими смерть мне шлёт отказ:
«Жди, – не кончена дорога,
Не настал ещё твой час».
Вся горит и вся сверкает
Залитая солнцем твердь,
Где в пустой дали сияет
Утешительница-смерть.
«Сладко мечтается мне...»
Сладко мечтается мне,
Слабо мерцает лампада,
Тени скользят по стене.
Тихо мечтается мне
Тайная сердцу услада.
Рядом со мной ты опять, –
Я ль не отдамся отраде?
Сладко с тобой мне мечтать,
Сердце трепещет, – опять
Радость в потупленном взгляде.
«В пути безрадостном среди немо́й пустыни...»
В пути безрадостном среди немо́й пустыни
□□□□Предстала предо мной
Мечта порочная, принявши вид богини
□□□□прекрасной и нагой.
□□□□Рукою нежной разливала
□□□□Из тонкого фиала
□□□□Куренья дымные она,
□□□□И серебристо обвивала
□□□□Её туманная волна.

□□□И где она ногою голой
□□□Касалась сухой земли,
□□Там грешные цветы толпой весёлой
□□Бесстыдные, пахучие цвели.
□□И предо мной склонившись, как рабыня,
Она меня к греху таинственно звала, –
И скучной стала мне житейская пустыня,
□□И жажда дел великих умерла.
«Нет, не любовь меня влекла...»
Нет, не любовь меня влекла,
Не жажда подвига томила, –
Мне наслаждения сулила
Царица радостного зла.
Окружена прозрачной дымкой
Порочных снов и злых страстей,
Она сошла к душе моей
Ожесточённой нелюдимкой,
И научила презирать
Людские скучные забавы,
И чары тайные вкушать,
Благоуханные отравы.
Восторгов тщетных, грёз ночных
Струи кипучие так сладки, –
Но в сердце копятся от них
Противно-горькие осадки.
«Мы поздно встретились. Весёлости чужда...»
Мы поздно встретились. Весёлости чужда
Моя душа, пропитанная ядом
Порочных дум, и чувств, и тайного стыда,
И жажды злых страстей с позором их и чадом.
Мы поздно встретились. Отрадные слова
Я позабыл давно, как детский сон неясный,
К душе коснувшейся едва,
К душе и суетной, и страстной.
Ты – юная, ты – резвая, – но ты
Смутишься пред моей томительною страстью.
Ты не поймёшь моей мучительной мечты,
К иному устремимся счастьем.
«О смерть! Я – твой. Повсюду вижу...»
О смерть! Я – твой. Повсюду вижу
Одну тебя, – и ненавижу
Очарования земли.
Людские чужды мне восторги,
Сраженья, праздники и торги,
Весь этот шум в земной пыли.
Твоей сестры несправедливой,
Ничтожной жизни, робкой, лживой,
Отринул я издавна власть.
Не мне, обвеянному тайной
Твоей красы необычайной,
Не мне к ногам её упасть.
Не мне идти на пир блестящий,
Огнём надменным тяготящий
Мои дремотные глаза,
Когда на них уже упала,
Прозрачней чистого кристалла,
Твоя холодная слеза.
«Сад чародейных прохлад...»
Сад чародейных прохлад
□□ароматами сладкими дышит.
Звонко смеётся фонтан,
□□и серебряный веер колышет.
Зыблется тихо гамак,
□□призакрытый отрадною тенью.
Дева, качаясь, лежит,
□□убаякана счастьем и ленью.
Прутья решётки стальной
□□над кремнистой дорогою блещут.

Пыльные вихри встают
□□и полуденной злобой трепещут.
К прочной решётке прильнул
□□и задумался юноша кроткий.
Грустен и труден твой путь
□□перед сомкнутой крепко решёткой.
«Багряный вечер в сердце воздвигал...»
Багряный вечер в сердце воздвигал
□□Алтарь кручины,
И флёром грусти тихо обвивал
□□Простор долины.
Стояли клёны в тяжком забытии,
□□цветы пестрели,
С травой шептались ясные ручьи,
□□Струясь без цели,
Над нивой, над рекой обрывки туч,
□□Скользя, бежали,
И золотил их коймы поздний луч
□□Зарёй печали.
«Уныло плавала луна...»
Уныло плавала луна
В волнах косматых облаков,
Рыдала шумная волна
□□У мрачных берегов,
Уныло ветер завывал,
Качая ветви гибких ив, –
На мягких крыльях сон летал,
□□Тревожен и пуглив.
«Васильки на полях ослезились росой...»
Васильки на полях ослезились росой, –
Васильки твоих глаз оросились слезой.
Пробежал ветерок по румяным цветам,
Пробежала улыбка по алым губам.
И улыбка, и слезы, – и смех, и печаль,
Миновавшей весны благодатная даль!
«Мы устали преследовать цели...»
Мы устали преследовать цели,
На работу затрачивать силы, –
□□Мы созрели
□□Для могилы.
Отдадимся могиле без спора,
Как малютки своей колыбели, –
□□Мы истлеем в ней скоро,
□□И без цели.
«О, царица моя! Кто же ты? Где же ты?..»
□□О, царица моя! Кто же ты? Где же ты?
По каким заповедным иль торным путям
Пробираться к тебе? Обманули мечты,
Обманули труды, а уму не поверю я сам.
Молодая вдова о почившем не может, не хочет скорбеть.
Преждевременно дева всё знает, – и счастье её не манит.
Содрогаясь от холода, клянчит старуха и прячет истёртую медь.
Замирающий город туманом и мглою повит.
Умирая, томятся в гирляндах живые цветы.
Побледневший колодник сбежавший прилёт, отдыхая, в лесу у ручья.
□□Кто же ты,
□□Чаровница моя?
О любви вдохновенно поёт на подмостках поблекший певец.
Величаво идёт в равнодушной толпе молодая жена.
Что-то в воду упало, – бегут роковые обломки колец.
□□Одинокая, спешная ночь и трудна, и больна.
Сколько странных видений и странных, недужных тревог!
□□Кто же ты, где же ты, чаровница моя?
Недоступен ли твой светозарный чертог?
□□Или встречу тебя, о, царица моя?
«Утро ласковое звонко...»
Утро ласковое звонко.
Веет лёгкий воздух тонко

У склонённого чела,
И тоска души пугливой
В этой ласке шаловливой
Лучезарно умерла.
Ты воскреснешь скоро, злая.
Минет краткий праздник мая,
Яркий змей на небесах
Надо мною в полдень станет,
Грудь мне стрелами изранит, –
Ты придёшь в его лучах.
«Думы чёрные лелею...»
Думы чёрные лелею,
Грустно грежу наяву,
Тёмной жизни не жалею,
Ткани призрачные рву,
Ткани юных упований
И туманных детских снов;
Чуждый суетных желаний,
Умереть давно готов.
Грустно грежу, скорбь лелею,
Паутину жизни рву
И дознаться не умею,
Для чего и чем живу.
«Многоцветная ложь бытия...»
Многоцветная ложь бытия,
Я бороться с тобой не хочу.
Пресмыкаюсь томительно я,
Как больная и злая змея,
И молчу, сиротливо молчу.
У подножья нахмуренных скал,
По расселинам мгристо-сырым
Мой отверженный путь пролегал.
Там когда-то я с верой внимал
Голосам и громам роковым.
А теперь, как больная змея,
По расселинам мгристо-сырым
Пробираюсь медлительно я.
Многоцветная ложь бытия,
Я отравлен дыханьем твоим.
«Ландыш вдали от ручья...»
Ландыш вдали от ручья,
Сердце твоё томится и вянет.
Знай, дитя, что улыбка твоя
Не обманет.
Поздних цветов аромат,
Леса осенние краски.
Грустят улыбки, и грустят
Светлые глазки.
Отнята от раздолья морей,
Морская царевна на суше.
Душа твоя света светлей,
Изранена о грубые души.
«На серой куче сора...»
На серой куче сора
У пыльного забора
На улице глухой
Цветёт в исходе мая,
Красою не прельщая,
Угрюмый зверобой.
В скитаниях ненужных,
В страданиях недужных,
На скудной почве зол,
Вне светлых впечатлений
Безрадостный мой гений
Томительно расцвёл.
«Дорогие наряды...»
□□Дорогие наряды,
Искромётные камни и розы,

Но какие суровые взгляды
И какие в них злые угрозы!
□□В эту ночь опьяненья
Ты опять, ты опять предо мною
С непреклонным укором презренья,
С недосказанной былью больною.
□□Для чего истомила
Ты загадкой меня невозможной
И желанья мои отравила
Ворожкой непонятной и ложной?
□□Проклинаю немую
Безучастность лица неземного,
И смотрю на тебя, роковую,
Ожидая последнего слова.
«Былые надежды почили в безмолвной могиле...»
Былые надежды почили в безмолвной могиле...
Бессильные страхи навстречу неведомой силе,
Стремленье к святыне в безумной пустыне,
И всё преходяще, и всё бесконечно,
□□И тайна всемирная ныне
□□□□И вечно...
В тяжёлом томленьи мгновенные дети творенья.
Томятся неясным стремленьем немые растенья,
И голодны звери в лесах и пустыне,
И всё преходяще, и всё бесконечно,
□□И муки всемирные ныне
□□□□И вечно.
«Нет, не одно только горе...»
Нет, не одно только горе, –
Есть же на свете
Алые розы и зори,
И беззаботные дети.
Пусть в небесах догорают
□□Зори так скоро,
Пусть наши розы роняют
□□Скоро уборы,
Пусть омрачатся рано
Властию зла и обмана
□□Детские взоры, –
Розы, и зори, и дети
Будут на пасмурном свете.
«В беспредельности пространства...»
В беспредельности пространства
Где-то есть земля иная,
И на ней моя невеста,
К небу очи подымая,
Как и я же, ищет взором
Чуть заметного светила,
Под которым мне томиться
Участь горькая судила.
«На гулких улицах столицы...»
На гулких улицах столицы
Трепещут крылья робких птиц,
И развернулись вереницы
Угрюмых и печальных лиц.
Под яркой маской злого света
Блестит торжественно глазет.
Идёт, вся в чёрное одета,
Жена за тем, кого уж нет.
Мальчишки с песнею печальной
Бредут в томительную даль
Пред колесницей погребальной,
Но им покойника не жаль.
«Вдали, над затравленным зверем...»
Вдали, над затравленным зверем,
Звенит, словно золотом, рог.
□□Не скучен боярыне терем,
□□И взор её нежен и строг.

Звенит над убитым оленем,
Гремит торжествующий рог.
□□Коса развилась по коленям,
□□А взор и призывен, и строг.
Боярин стоит над добычей,
И рог сладкозвучен ему.
□□О, женский лукавый обычай!
□□О, сладкие сны в терему!
Но где же, боярин, твой кречет?
Где верный сокольничий твой?
□□Он речи лукавые мечет,
□□Целуясь с твоею женой.

«Вывески цветные...»

Вывески цветные,
Буквы золотые,
Солнцем залитые,
Магазинов ряд
С бойкою продажей,
Грохот экипажей, –
Город солнцу рад.
Но в толпе шумливой,
Гордой и счастливой,
Вижу я стыдливой,
Робкой нищеты
Скорбные приметы:
Грубые предметы,
Тёмные черты.

«Невнятною, тёмною речью...»

Невнятною, тёмною речью
Мне кто-то коварно открыл
И злобную ложь человечью,
И правду таинственных сил.
Страшна мне неправда людская,
Страшны и вершины святынь, –
Иду я один, убегая
В безмолвие тайных пустынь.

«Из-за тумана ночного...»

Из-за тумана ночного
Встал, подымаюсь я снова
Тихой и бледной луной.
На землю сею сиянья,
Чары, и сны, и мечтанья,
Всем утомлённым покой.
За день устал я смеяться,
Солнцем к земле разливаться,
Всё веселить и живить.
Кроткою буду луною
Всех к тишине и покою,
Сам засыпая, манить.

«Усмиривши творческие думы...»

Усмиривши творческие думы,
К изголовью день мой наклоня,
Погасил я блеск, огни и шумы,
Всё, что здесь не нужно для меня.
Сквозь полузакрытые ресницы
Я в края полночные вхожу,
И в глаза желанной Царь-Девы
Радостно гляжу.

«Во мне молитва рождена...»

Во мне молитва рождена
□□Полночной тишиною,
И к небесам вознесена
□□Томительной луною.
Молитва тихая во мне
□□Туманом белым бродит,
И в полуночной тишине
□□К моим звездам восходит.
«Какой-то хитрый чародей...»

Какой-то хитрый чародей
Разъединил моё сознание
□□С природою моей, –
И в этом всё моё страдание.
Но если дремлет он порой,
□□И колдовство оставит, –
Уже природа не лукавит,
Не забавляется со мной.
□□Послушна и правдива,
Она приблизится ко мне.
В её бездонной глубине
Я вижу девственные дива.
«Блуждали молитвы мои...»
Блуждали молитвы мои
По росистым тропинкам земли,
И роптали они, как ручьи,
И кого-то искали вдали.
И думы мои холодели,
Как грёзы в монашеской кельи,
И грёзы, как звёзды, блестели,
В лазурном и ясном весельи.
«Помню я полдень блаженный...»
Помню я полдень блаженный
В тихом преддверьи весны, –
В сердце моём загорелось
Солнце нетленной страны.
Пали докучные грани, –
Я восходил до небес,
Был несказанно прекрасен
День торжества и чудес.
«Надо мною жестокая твердь...»
Надо мною жестокая твердь,
Предо мною томительный путь,
А за мною лукавая смерть
Всё зовёт да манит отдохнуть.
Я её не хочу и боюсь,
Отвращаюсь от злого лица.
Чтоб её одолеть, я стремлюсь
Расширять бытие без конца.
Я – царевич с игрушкой в руках,
Я – король зачарованных стран.
Я – невеста с тревогой в глазах,
Богомолкой бреду я в туман.
«Для кого прозвучал...»
Для кого прозвучал
Мой томительный голос?
Как подрезанный колос,
Я бессильно упал.
Я прошёл по земле
Неразгаданной тайной,
И как свет неслучайный
В опечаленной мгле.
Я к Отцу возвращаюсь,
Я затеплил свечу,
И ничем не прельщаюсь,
Ничего не хочу.
Мой таинственный голос
Для кого прозвучал?
Как подрезанный колос,
Я на землю упал.
Я не слышу ответа,
Одинокий иду,
И от мира не жду
Ни приветов, ни света.
Я затеплил свечу,
И к Отцу возвращаюсь,
Ничего не хочу,
И ничем не прельщаюсь.

«Побеждайте радость...»

Побеждайте радость,
Презирайте смех.
Всё, в чём только сладость,
Всё – порок и грех.
Побеждайте радость,
подавляйте смех.
кто смеётся? Боги,
дети да глупцы.
Люди, будьте строги,
Будьте мудрецы, –
Пусть смеются боги,
дети да глупцы.
Мир над чем смеётся,
И зачем смешит?
Всё, что вознесется,
Запятнать спешит.
Тёмное смеётся,
Скудное смешит.
Побеждайте радость,
Презирайте смех.
Где одна лишь сладость,
Там порок и грех.
подавляйте радость,
Побеждайте смех.

«Вечер мирный наступил...»

Вечер мирный наступил
День за рощею почил,
В роще трепетная мгла
и прозрачна, и светла.
Из далёкой вышины
Звёзды первые видны.
Между небом и землёй
За туманную чертой
Сны вечерние легли,
Сторожа покой земли.

«Живы дети, только дети...»

Живы дети, только дети, –
Мы мертвы, давно мертвы.
Смерть шатается на свете
И махает, словно плетью,
Уплетённой туго сетью
Возле каждой головы.
Хоть и даст она отсрочку –
Год, неделю или ночь,
Но поставит всё же точку,
И укатит в чёрной тачке,
Сотрясая в дикой скачке,
Из земного мира прочь.
Торопись дышать сильнее,
жди, – придёт и твой черёд.
Задыхайся, цепенея,
леденея перед нею.
Срок пройдёт, – подставишь шею, –
Ночь, неделя или год.

«Придёшь ли ты ко мне, далёкий, тайный друг?..»

Придёшь ли ты ко мне, далёкий, тайный друг?
Зову тебя давно. Бессонными ночами
Давно замкнулся я в недостижимый круг, –
и только ты один, легчайшими руками
Ты разорвёшь его, мой тайный, дальний друг.
Я жду, и жизнь моя темна, как смутный бред,
Толпятся чудища перед заветным кругом,
и мне грозят они и затмевают свет,
и веют холодом, печалью да испугом.
Мне тяжело без тебя, вся жизнь моя, как бред.
Сгорает день за днём, за ночью тлеет ночь, –
мерцает впереди непостижимым светом

Гора, куда взойти давно уж мне невмочь.
О, милый, тайный друг, поверь моим обетам
И посети меня в тоскующую ночь.

«Ускользящей цели...»
Ускользящей цели
Обольщающий свет,
И ревнивой метели
Угрожающий бред...
Или время крылато?
Или сил нет во мне?
Всё, чем жил я когда-то,
Словно было во сне.
Замыкаются двери, –
И темнеет кругом, –
И утраты, потери,
И бессильно умрём.

Истечение чую
Холодеющих сил,
И тоску вековую
Беспощадных могил.
«Не стоит ли кто за углом?..»
Не стоит ли кто за углом?
Не глядит ли кто на меня?
Посмотреть не смею кругом
И зажечь не смею огня.
Вот подходит кто-то впотьмах,
Но не слышны злые шаги.
О, зачем томительный страх?
И к кому воззвать: «Помоги»?

Не поможет, знаю, никто,
Да и чем и как же помочь?
Преодо мною темнеет ничто,
Ужасает мрачная ночь.
«Пышен мой город и свят...»
Пышен мой город и свят
Мраморным и золотым.
Нега роскошная вся
Так недоступна чужим.
Мимо суровых людей,
Мимо закрытых ворот,
Не подымая очей,
Отрок усталый идёт.
Рваное платье в пыли,
Ноги изранены в кровь.
Бедное чадо земли!

Скудная наша любовь!
Что же любовь призывать
По каменистым путям!
Дальше, туда, где трава
Тихо приникнет к ногам.
«Я верю в творящего Бога...»
Я верю в творящего Бога,
В святыя заветы небес,
И верю, что явлено много
Безумному миру чудес.
И первое чудо на свете,
Великий источник утех –
Блаженно-невинные дети,
Их сладкий и радостный смех.
«Он тёмн и суров, – и взор его очей...»
Он тёмн и суров, – и взор его очей,
Пугая чистых дев и радостных детей,
Прельщает зрелых жён, и отроков порочных
Тревожит в сонной мгле мечтаний полуночных.
В очах его тоска, и бледен цвет лица.
Потупит очи он – похож на мертвеца.
Черты его лица смешны и безобразны, –
Но им волнуют жён и отроков соблазны.

«Она зарей ко мне пришла...»
Она зарей ко мне пришла, –
    Взглянула, засияла, –
Лаская нежно, обняла
    И долго целовала.
И повела потом она
    Меня из дома рано,
Едва была озарена
    Туманная поляна.
И всё пред нею расцвело,
    И солнце восходило,
И неожиданно светло
    И весело мне было.
Она показывала мне
    На небе и в долине,
Чего я даже и во сне
    Не видывал доныне.
И улыбаясь, и дивясь,
    Она ко мне склонилась.
Заря в лице моём зажглась,
    И сердце быстро билось.
Её созвучные слова
    Мне слушать было ново.
Шептали что-то мне трава,
    И воздух, и дуброва.
Ручьи у ног моих текли,
    И звучно лепетали,
И вихри пыльные вдали
    Кружились и плясали.
И весь лежащий предо мной
    Под солнцем круг огромный
Едва лишь только пред зарей
    Возник из ночи тёмной.
Приди опять ко мне скорей!
    Ты мне всего желанней.
В просторы новые полей
    Веди порою ранней,
Чтобы опять увидеть мне
    На небе и в долине,
Чего в окрестной стороне
    Я не видал доныне.
«Окно царица-небылица...»
Окно царица-небылица
Открыла в тереме своём.
Мелькнула быстрая зарница,
И прокатилась колесница.
Её возница – дальний гром.
Наводит птичий грай истому,
Докучный грай вороньих стай.
О, поспешай, как птица, к дому,
Гробниц и лиц не замечай.
«Любит ночь моя туманы...»
Любит ночь моя туманы,
Любит бледный свет луны,
И гаданья, и обманы,
И таинственные сны.
Любит девушек весёлых
Вдруг влюбить в свою луну,
И русалок любит голых,
Поднимающих волну.
И меня немножко любит, –
Зазовёт меня к луне,
Зацелует, и погубит,
И забудет обо мне.
«Давно стараюсь, и напрасно...»
Давно стараюсь, и напрасно,
Поработить себя уму.
Смиряться сердце не согласно,

Нет утоления ему.
А было время, – простодушно,
Хоть и нелепо, жизнь текла,
И сердцу вольному послушна
Мысль раболепная была.
Ты втайне зрела, возрастала,
Ты извивалась, как змея, –
О, мысль моя, ты побывала
На всех просторах бытия.
И чем меня ты обольстила?
К чему меня ты увлекла?
Ты ничего мне не открыла,
И много, много отняла.
Восходит солнце, как и прежде,
И светит нежная луна,
И обаятельной надежде
Душа бессмертная верна,
И ясен путь мне, путь мой правый,
Я не могу с него свернуть, –
Но неустанно ум лукавый
Хулит единый правый путь.
О, если б бурным дуновеньем
Его коварство разнесло
И всепобедным вдохновеньем
Грозу внезапную зажгло!
О, если б огненные крылья!
О, если б в буйстве бытия,
Шипя от злобы и бессилья,
Сгорела хитрая змея!
«В его саду растёт рябина...»
В его саду растёт рябина.
В его дому живёт кручина.
На нём изношенный кафтан.
Глаза окутаны туманом,
Как будто налито шафраном
Лицо, и согнут тощий стан.
Надежда милая убита,
И что от бед ему защита?
Терпеть судьба ему велит.
Перед его печальной хатой,
Враждебной властью заклятой,
Рябина горькая стоит.
«Чего недоставало...»
Чего недоставало
Судьбе моей донине,
Отныне близко стало,
И ярко засияло
В моей немой пустыне.
На россыпях песчаных
Цветут внезапно крины,
И в одеяньях рдяных
Гонцы из стран багряных
Примчались на долины.
«Какая тягостная встреча!..»
Какая тягостная встреча!
Какая грусть и суета!
Зачем, судьбе противореча,
Ты всё борьбою занята?
Нерасторжимы эти звенья.
Тебе навеки быть рабой.
Лежат же тяжкие каменья
Покорно в гулкой мостовой, –
Не прекословят же ступени,
Когда, всходя от сени к сени
Иль нисходя, по ним идут, –
Не прекословит лист дрожащий,
Когда рукою злой и мстящей
Его с другими с ветки рвут.

О, покорись, пока не поздно,
Пока не минул ясный день,
Пока на дол не пала грозно
Всеусмиряющая тень.
«На улицах пусто и тихо...»
На улицах пусто и тихо,
И окна, и двери закрыты.
Со мною – безумное Лихо,
И нет от него мне защиты.
Оградой железной и медной
Замкнулся от нищих богатый.
Я – странник унылый и бледный,
А Лихо – мой верный вожатый,
И с ним я расстаться не смею.
На улицах пусто и тихо.
Пойдём же дорогой своею,
Косматое, дикое Лихо!
«Исхудалый и усталый...»
Исхудалый и усталый
Он идёт один в пустыню.
Ищет, бледный и усталый,
Сокровенную святыню.
Знает он, – в пустыне скудной
Есть источник говорливый.
Он поёт пустыне скудной
О стране, всегда счастливой.
Возле самого истока
Положил пророк скрижали.
Струи светлого потока
Много лет их целовали.
Над скрижалями поставил
Он сосуд священный с миром.
Он тому его оставил,
Кто придёт с душевным миром,
Склонит радостно колени
И рукою дерзновенной
На себя, склонив колени,
Изольёт елей священный.
«Белый ангел надо мною...»
Белый ангел надо мною,
И бескровные уста
Безмятежной тишиною
Исповедуют Христа.
Ангел жжёт полночный ладан
Я – кадило перед ним.
И в цепях моих разгадан
Дым кадильный, тихий дым, –
Возношенье, воздыханье
У спасающих икон,
Свеч отрадное мечтанье,
Утешительный канон.
«Томленья злого...»
Томленья злого
На сердце тень, –
Восходит снова
Постылый день,
Моя лампада
Погасла вновь,
И где отрада?
И где любовь?
Рабом недужным
Пойду опять
В труде ненужном
Изнемогать.
Ожесточенье
Проснётся вновь,
И где терпенье?
И где любовь?

«В моей лампаде ясный свет...»

В моей лампаде ясный свет

□□Успокоенья,

Но всё грехам прощенья нет,

□□Всё нет забвенья.

Нисходит в сердце тишина,

□□Мне чужды битвы,

И жизнь безрадостно ясна,

□□Но нет молитвы.

Я на тебя с тоской гляжу,

□□Моя икона,

И невнимательно твержу

□□Слова канона.

О, помолись же за меня,

□□Моя усталость,

Ко мне молитвой преклоня

□□Господню жалость!

«В глубокий час молчания ночного...»

В глубокий час молчания ночного

Тебе я слово тайное шепну.

□□Тогда закрой глаза и снова

□□Увидишь ты мою страну.

Доверься мне опять, иди за мною,

На здешний мир не поднимая глаз,

□□Пока, объятый тихой мглой,

□□Полночный светоч не угас, –

И всё, о чём душа твоя томится,

И для чего не надо слёз и слов,

□□Перед тобою загорится

□□В ночной стране безмолвных снов.

«Торжественной праздности чадо...»

Торжественной праздности чадо,

Утеха лачуг и палат,

Смеяться и плакать ты радо,

Созвучья бы только да лад.

Тебе ль не дарована сила!

Тебе ль не покорна весна!

Ты все зажигаешь светила,

А ночь холодна и темна.

«Я умираю не спеша...»

Я умираю не спеша,

Предсмертной тешусь я истомой.

Подобна грешная душа

Святой, на злую казнь влекомой.

Её пытали палачи,

С неё совлекши все одежды,

Но их жестокие бичи

Не умертвили в ней надежды,

И в смертный путь она идёт.

Спокойны все её движенья.

Небесный вестник ей несёт

Венец последнего мученья.

«Не плачь, утешься, верь...»

□□Не плачь, утешься, верь,

Не повторяй, что умер сын твой милый, –

Не вовсе он оставил мир постылый.

□□Он тихо стукнет в дверь,

□□С приветными словами

Войдёт к тебе и станет целовать

Тебя, свою утешенную мать,

□□Безгрешными устами.

□□Лишь только позови,

Он будет приходить к тебе, послушный,

Всегда, как прежде, детски-простодушный,

□□Дитя твоей любви.

«О полночи с постели...»

О полночи с постели

Молиться ты сошла.

Лампады пламенели,
В углах дрожала мгла.
И ангел легкокрылый
С таинственной судьбой,
Неведомою силой
Повеял над тобой.
Склонила ты колени,
И ангел осенил
Тоскующие тени
Отрадной сенью крыл.
«День туманный...»
День туманный
Настаёт,
Мой желанный
Не идёт.
□□Мгла вокруг.
На пороге
Я стою,
Вся в тревоге,
И пою.
□□Где ж мой друг?
Холод веет,
Сад мой пуст,
Сиротеет
Каждый куст.
□□Скучно мне.
Распрощался
Ты легко,
И умчался
Далеко
□□На коне.
По дороге
Я гляжу,
Вся в тревоге,
Вся дрожу, –
□□Милый мой!
Долго стану
Слёзы лить,
В сердце рану
Беречь, –
□□Бог с тобой!
«Если б хотел я любить...»
Если б хотел я любить,
Если бы мог я желать, –
В мире кого полюбить,
В жизни чего пожелать?
Только Отец мой да я,
Больше и нет никого.
Жизнь без хотенья – моя,
Воля без жизни – Его.
«Туманный день глядит в окно...»
Туманный день глядит в окно,
В душе и пасмурно, и строго.
Воспоминания давно
Стоят угрюмо у порога
Изнемогающей души,
Не появляясь, не скрываясь, –
О днях, когда в немой глуши
Я жил, восторгами питаюсь,
Далёкий призрак возлюбя,
Мечтою обнимая тени,
И жизнь недужную губя
Под гнётом страстности и лени.
«В молчаньи звёзд, в дыханьи ветра с полуночи...»
В молчаньи звёзд, в дыханьи ветра с полуночи
□□Улики явственные есть.
□□□О, духи зла! Закройте очи
И не мешайте мне безропотно отцвесть.

Меня и вас одна объемлет неизбежность,

□□□Ненарушим всемирный строй.

Всё должно быть: для жизни – радость и мятежность,

□□□Для смерти – тленье и покой.

«Недотыкомка серая...»

□□Недотыкомка серая

Всё вокруг меня вьётся да вертится, –

То не Лихо ль со мною очертится

Во единый погибельный круг?

□□Недотыкомка серая

Истомила коварной улыбкою,

Истомила присядкою зыбкою, –

Помоги мне, таинственный друг!

□□Недотыкомку серую

Отгони ты волшебными чарами,

Или наотмашь, что ли, ударами,

Или словом заветным каким.

□□Недотыкомку серую

Хоть со мной умертви ты, ехидную,

Чтоб она хоть в тоску панихидную

Не ругалась над прахом моим.

«Был широкий путь к подножью...»

Был широкий путь к подножью

Вечно вольных, дальних скал, –

Этот путь он злою ложью,

Злою ложью заграждал.

То скрывался он за далью.

То являлся из могил,

И повсюду мне печалью,

Он печалью мне грозил, –

И над бедной, тёмной нивой

Обыденных, скучных дел.

День тоскливый и ленивый,

День ленивый потускнел.

В полумраке я томился

Бездыханной тишиной.

Ночь настала, и раскрылся,

И раскрылся мир ночной.

Надо мной у ночи крылья

Вырастали всё темней

От тяжёлого бессилья,

От бессилья злых огней.

И печально, и сурово,

Издалёка в мертвый край

Повелительное слово

Веет, слово: «Умирай».

Месяц встал, и пламенеет

Утешеньем в сонной мгле.

Всё далёкое светлеет,

Всё светлеет на земле.

Отуманенные дали

Внемлют сладкой тишине,

И томительной печали,

Злой печали нет во мне.

Всё томленье, всё страданье,

Труд, и скорбь, и думы все, –

Исчезают, как мерцанье,

Как мерцанье на росе.

«На распутьи злом и диком...»

На распутьи злом и диком

В тёмный час я тихо жду.

Вещий ворон хриплым криком

На меня зовёт беду,

А на небе надо мною

Только грустная луна,

И тоскует ночь со мною,

И томится тишина.

От луны мерцанье в росах,

И белеет мгла вокруг.
Тихо чертит верный посох
По земле волшебный круг.
Сомкнут круг, – и нет печали
В тесной области моей, –
Позабыты все печали
Утомленьем горьких дней.
Он из мглы выходит, – друг ли
Мне он тайный, или враг?
У него глаза, как угли,
Тёмен лик и зыбок шаг.
Я за дивною чертою
Для него недостижим, –
И стоит он за чертою
Тёмный, зыбкий, весь как дым.
Он смеется и не хочет
В тёмный час признать меня.
Он томленья мне пророчит,
Взор свой пламенно склоня, –
И во мглу с недобрим словом
От меня отходит он, –
Я его зловещим словом,
Вражьим словом не смущён.
Мне под солнцем горе мыкать
День за днём не привыкать.
Ночь придет, – я буду кликать
В тёмный час его опять,
Чтоб за дивною чертою
Погадать, поворожить, –
Только здесь лишь, за чертою,
Мне, усталому, и жить.
«Мне сегодня нездоровится...»
Мне сегодня нездоровится:
Злая немочь ли готовится
□□□Одолеть меня?
С торопливой лихорадкою
Поцелуюсь ли украдкою
□□□На закате дня?
Но не страшно мне томление, –
Это лёгкое кружение
□□□Я уж испытал.
Забывается досадное,
Вспоминается отрадное,
□□□Кроток я и мал.
Что велят мне, то и сделаю:
То сиделка ль с банкой целою
□□□Горького питья,
Или смерть у изголовия, –
Всем готов без прекословия
□□□Покоряться я.
«Всё почивающее свято...»
Всё почивающее свято,
В смятении жизни – зло и грех.
Томила жизнь меня когда-то
Надеждой лживою утех.
Её соблазны были многи,
И утомленья без числа.
В великолепные чертоги
Она мечты мои звала,
И на жестокие дороги
Меня коварно увлекла.
Но близость кроткой смерти чуя,
Уснули гордые мечты.
Я жду смиренно, не тоскуя,
Благой и вещей темноты.
И если жить мне надо снова,
С собой я жизни принесу
Успокоения святого

Невозмутимую красу.
Ангел благого молчания
Грудь ли томится от зною,
Страшно ль смятение вьюг, –
Только бы ты был со мною,
Сладкий и радостный друг.
Ангел благого молчанья,
Тихий смиритель страстей,
Нет ни венца, ни сиянья
Над головою твоей.
Кротко потуплены очи,
Стан твой окутала мгла,
Тонкою влагою ночи
Веют два лёгких крыла.
Реешь над дольным пределом
Ты без меча, без луча, –
Только на поясе белом
Два золотые ключа.
Друг неизменный и нежный,
Тенью прохладною крыл
Век мой безумно-мятежный
Ты от толпы заслонил.
В тяжкие дни утомленья,
В ночи бессильных тревог,
Ты отклонил помышленья
От недоступных дорог.
«Преодолев тяжелое косненье...»
Преодолев тяжелое косненье
□□И долгий путь причин,
Я сам – творец и сам – свое творенье,
□□Бесстрастен и один.
Ко мне струилось пламенное слово.
□□Блистая, дивный меч,
Архангелом направленный сурово,
□□Меня грозился сжечь.
Так, светлые владыку не узнали
□□В скитальце и рабе,
Но я разбил старинные скрижали
□□В томительной борьбе.
О грозное, о древнее сверканье
□□Небесного меча!
Убей раба за дерзкое исканье
□□Эдемского ключа.
Исполнил раб завещанное дело:
□□В пыли земных дорог
Донёс меня до вечного предела,
□□Где я – творец и бог.
«Любовью лёгкою играя...»
Любовью лёгкою играя,
Мы обрели блаженный край.
Вкусили мы веселье рая,
Сладчайшего, чем Божий рай.
Лаская тоненькие руки
И ноги милые твои,
Я изнывал от сладкой муки,
Какой не знали соловьи.
С тобою на лугу несмятом
Целуясь в тени берёз,
Я упивался ароматом,
Благоуханней алых роз.
Резвей весёлого ребенка,
С невинной нежностью очей,
Ты лепетала звонко, звонко,
Как не лепечет и ручей.
Любовью лёгкою играя,
Вошли мы только в первый рай:
То не вино текло играя,
То пена била через край,

И два глубокие бокала
Из тонко-звонкого стекла
Ты к светлой чаше подставляла
И пену сладкую лила,
Лила, лила, лила, качала
Два тельно-алые стекла.
Белей лилей, алее лала
Бела была ты и ала.
И в звонах ласково-кристальных
Отраву сладкую тая,
Была милее дев лобзальных
Ты, смерть отрадная моя!
«Блаженный лик Маира...»
Блаженный лик Маира
Склоняется к Ойле.
Звенит призывно лира, –
И вот начало пира
В вечерней полумгле.
По мраморной дороге,
Прекрасны, словно боги,
Они выходят в сад.
У старших наги ноги
И радостен наряд,
А те, что помоложе,
Совсем обнажены,
Загар на тонкой коже,
И все они похожи
На вестников весны.
«У мальчиков цевницы...»
У мальчиков цевницы
Звенят, поют в руках,
И голые девицы
Весёлые в полях.
Под мирный рокот лирный
Работа весела,
И ясный свет Маирный
Золотит их тела.
С весёлой песней смешан
Машины жнущей стук,
И ход её поспешен
Под властью нежных рук.
Часы работы краткой
Над нивой пролетят,
И близок отдых сладкий
Под сводами палат.
«Догорела свеча...»
□□Догорела свеча,
□□И луна побледнела.
Мы одни, – ты светла, горяча, –
Я люблю твоё стройное тело.
□□К загорелым стопам
□□Я приникнул устами, –
Ты ходила по жёстким тропам,
Проходила босыми ногами.
□□Принесла мне цветы
□□Из высокого края, –
Ты сбирала святые мечты,
Над зияющей бездной играя.
«Грустное слово – конец!..»
Грустное слово – конец!
Милое слово – предел!
Молотом скован венец,
Золотом он заблестел.
Ужас царил на пути.
Злобно смеялась нужда.
Злобе не льсти и не мсти, –
Вечная блещет звезда.
«Чем недоступней, тем прекрасней...»

Чем недоступней, тем прекрасней,
Чем дальше, тем желанней ты, –
И с невозможностью согласней
Твои жемчужные мечты.

Земное тягостное тело
Твоей святыни не одело,
Тебе чужда земная речь, –
Недостижимая богиня!

Земля – темница и пустыня, –
И чем бы ей тебя привлечь?
«Забудь, что счастье ненадежно...»

Забудь, что счастье ненадежно,
Доверься мне,
И успокойся безмятежно
В блаженном сне.

Мгновенья сладкие сгорели, –
Но что тужить!

Для тайной и высокой цели
Нам надо жить.
В обманах счастья земного,
В кипеньи сил,
Ты прелесть таинства иного
Уже вкусил.

«Как часто хоронят меня!..»
Как часто хоронят меня!
Как часты по мне панихиды!
Но нет дня меня в них обиды,
Я выше и Ночи, и Дня.
Усталостью к отдыху клонят,
Болезнями тело томят,
Печальями со света гонят,
И ладаном в очи дымят.
Мой путь перед ними не понят,
Венец многоцветный измят, –
Но, как ни поют, ни хоронят,
Мой свет от меня не затмят.
Оставьте ненужное дело,
Направьте обратно ладью, –
За грозной чертою предела
Воздвигнул я душу мою.
Великой зарёю зардела
Любовь к моему бытию.
Вселенское, мощное тело
Всемирной душе создаю.
Ладью мою вечно стремите
К свершению творческих дел, –
И если найдёте предел,
Отпойте меня, схороните!

«Никто не убивал...»
Никто не убивал,
Он тихо умер сам, –
Он бледен был и мал,
Но рвался к небесам.
А небо далеко,
И даже – неба нет.
Пойми – и жить легко, –
Ведь тут же, с нами, свет.
Огнём горит эфир,
И ярки наши дни, –
Для ночи знает мир
Внезапные огни.

Но он любил мечтать
О пресвятой звезде,
Какой не отыскать
Нигде, – увы! – нигде!
Дороги к небесам
Он отыскать не мог,
И тихо умер сам,

Но умер он как бог.

«Иду в лесу. Медлительно и странно...»

Иду в лесу. Медлительно и странно

Вокруг меня колеблется листва.

Моя мечта, бесцельна и туманна,

□□Едва слагается в слова.

И знаю я, что ей слова ненужны, –

□□Она – дыхания нежней,

□□Её вещания жемчужны,

□□Улыбки розовы у ней.

□□□□Она – краса лесная,

□□□□И всё поёт в лесу,

□□Хвалю радостной венчая

□□□□Её красу.

«О лихорадочное лето!..»

О лихорадочное лето!

То ветра холод, то солнца зной.

Холодной мглюю земля одета,

Ручей смеётся в тени лесной.

Он притаился в долине тесной.

Ему забавно, что много туч.

Ему противен Змей небесный, –

Как меч разящий, – блестящий луч.

«Благословлять губительные стрелы...»

Благословлять губительные стрелы

И проклинать живящие лучи, –

Вот страшные и тесные пределы.

К иным путям затеряны ключи.

В мучительных безумствуя хуленьях,

В бессмысленной безумствуя хвале,

Живи в безвыходных томленьях,

Влачись на бедственной земле.

Отравленной стрелы вонзилось жало, –

Лобзай её пернатые края:

Она – твоя, она тебя лобзала,

Когда померкло солнце бытия.

«Мы скучной дорогою шли...»

Мы скучной дорогою шли

□□По чахлой равнине.

Уныло звучали шаги

□□На высохшей глине,

А рядом печально росли

□□Берёзки на кочках.

Природа больная! Солги

□□В колосьях, в цветочках.

Обмана мы жаждем и ждём,

□□Мы жаждем обмана.

Мы рвёмся душой к небесам

□□Из царства тумана.

Мы скучной дорогой идём

□□Вдоль скудного поля.

Томительно грезится нам

□□Далёкая воля.

«Он не знает, но хочет...»

Он не знает, но хочет, –

Оттого возрастает, цветёт,

Ароматные сладости точит,

И покорно умрёт.

Он не знает, но хочет.

Непреклонная воля

Родилась во тьме.

Только выбрана доля –

Та иль эта – в уме,

Но темна непреклонная воля.

Умереть или жить,

Расцвести ль, зазвенеть ли,

Завязать ли жемчужную нить,

Разорвать ли лазурные петли,

Всё равно – умереть или жить.
«В его устах двусмысленны слова...»
В его устах двусмысленны слова,
И на устах двусмысленны улыбки.
Его душа бессильна и мертва,
А помыслы стремительны и зыбки.
Его любить никто не захотел,
Никто не мог его возненавидеть.
Неузнанным пребыть – его удел, –
Не действовать, не жить, а только видеть.

«Касатики качаются...»

Касатики качаются
Над тихой водой,
Качаются, прощаются
С недолгою красой.
Качаются касатики
У зыбкой глубины,
И бедные лунатики

В их прелесть влюблены.

«О, забвение! Низойди, обмани!..»

О, забвение! Низойди, обмани!
В воспоминаниях тягостны дни.
Прегрешения выше гор.
В заблуждениях обидный позор.
Если счастье манило, оно ушло.
Все дары жизнь разбила, как стекло.
О, забвение! Если бы всё стереть!
Если б всё прошлое могло умереть!
Но судьба говорит: «Только с тобой.
Умри, и всё прошлое уведи с собой».

«Люблю блуждать я над трясиную...»

Люблю блуждать я над трясиную

□□Дрожащим огоньком,
Люблю за липкой паутиною

□□Таиться пауком,
Люблю летать я в поле оводом

□□И жалить лошадей,
Люблю быть явным, тайным поводом

□□К мучению людей.
Я злой, больной, безумно-мстительный,

□□За то томлюсь и сам.

Мой тихий стон, мой вопль медлительный, –

□□Укоры небесам.

Судьба дала мне плоть растленную,

□□Отравленную кровь.

Я возлюбил мечтою пленною

□□Безумную любовь.

Мои порочные томления,

□□Всё то, чем я прельщён, –

В могучих чарах наваждения

□□Многообразный сон.

Но он томит больной обидою.

□□Идти путём одним

Мне тесно. Всем во всём завидую,

□□И стать хочу иным.

«Нарядней осени и лета...»

Нарядней осени и лета,

Улыбкой юною согрета,

И весела и молода,

Вольнолюбивою весною

Она сияла предо мною,

Как незакатная звезда.

Но странно, – отзвуки печали

В её речах всегда звучали,

Такие горькие слова

Она порой произносила,

Что скорби мстительная сила

Брала мгновенные права.

Потом опять цвела улыбкой.
Хотелось верить, что ошибкой
Слова упали с милых уст, –
Как иногда шалун-проказник,
В лесу бродя в весёлый праздник,
Посадит гриб на свежий куст.
«Для меня ты только семя...»
Для меня ты только семя.
Ты умрёшь, – настанет время, –
Жизнерадостную душу
я стремительно разрушу,
И в могилу брошу тело,
чтоб оно во тьме истлело.
Из погибшего земного
Созидать я стану снова.
Новый род к тому ж обману
Вызывать я к жизни стану,
Новых образов броженье
Вознесу в осуществленье, –
Но для всех одна кончина.
Всё различно, всё едино.
«Когда я в бурном море плавал...»
Когда я в бурном море плавал,
И мой корабль пошел ко дну,
я так воззвал: «Отец мой, Дьявол,
Спаси, помилуй, – я тону.
Не дай погибнуть раньше срока
Душе озлобленной моей, –
я власти тёмного порока
Отдам остаток чёрных дней».
И Дьявол взял меня, и бросил
в полуистлевшую ладью.
я там нашёл и пару вёсел,
и серый парус, и скамью.
И вынес я опять на сушу,
в больное, злое житиё,
Мою отверженную душу
и тело грешное моё.
И верен я, отец мой, Дьявол,
Обету, данному в злой час,
когда я в бурном море плавал,
и Ты меня из бездны спас.
Тебя, Отец мой, я прославлю
в укор неправедному дню,
Хулу над миром я восставлю,
и соблазняя соблазну.
«Истомил меня пасмурный день...»
Истомил меня пасмурный день,
Извела одинокая скука.
Неотступна чуть видная тень, –
Повторений томящих порука.
Впечатлений навязчивых сеть...
Разорвать бы постылые петли!
Не молитвой ли сердце согреть?
О весёлых надеждах не спеть ли?
Но молитвы забыты давно,
и наскучили песни былые,
Потому что на сердце темно,
да и думы – такие всё злые!
«Верить обетам пустынным...»
Верить обетам пустынным
Бедное сердце устало.
Тёмным, томительно-длинным
Ты предо мною предстало, –
Ты, неразумное, злое,
вечно-голодное Лихо.
На роковом аналое
Сердце терзается тихо.

Звякает в дыме кадило,
Ладан возносится синий, –
Ты не росую кропило,
Сыпало мстительный иней.
«Люблю тебя, твой милый смех люблю...»
Люблю тебя, твой милый смех люблю,
Люблю твой плач, и быстрых слёз потоки,
И нежные, краснеющие щёки, –
Но у тебя любви я не молю,
И, может быть, я даже удивлю
Тебя, когда прочтёшь ты эти строки.
Мои мечты безумны и жестоки,
И каждый раз, как взор я устремлю
В твои глаза, отравленное жало
Моей тоски в тебя вливает яд.
Не знаешь ты, к чему зовёт мой взгляд,
И он страшит, как острый край кинжала.
Мою любовь ты злобой назовёшь,
И, может быть, безгрешно ты солжёшь.
«Я не лгу, говоря, что люблю я тебя...»
Я не лгу, говоря, что люблю я тебя,
Но люблю для себя и ласкаю, губя.
Что мне счастье твоё, что мне горе твоё!
Я твоё и своё сочетал бытие, –
И на вечном огне, на жестоком огне
Мы в безумной с тобою сгорим тишине,
И пылая, сгорая, друг друга любя,
Позабудем весь мир, позабудем себя,
И великую жертву Творца повторим,
И сгорим перед Ним, и развеемся в дым.
«Измученный жгучею болью...»
Измученный жгучею болью,
Горячею облитый кровью,
Пойми, где предел своеволью, –
Я муки сплетаю с любовью.
Мучительный труд я приемлю
От вечной, незыблемой Воли, –
Кто создал и небо, и землю,
Тот создал и таинство боли.
В безумном восторге мученья
Дрожит беззащитное тело.
Забыты земные влеченья,
И всякая похоть сгорела.
Вся прелесть и нечисть земная
Свивается призрачным дымом.
Единою болью стеная,
Ты равен святым херувимам.
К престолу Творца и Владыки
В нетленную радость вселенной
Твои воздыханья и крики
Восходят хвалою смиренной.
«Мы поклонялись Владыкам...»
Мы поклонялись Владыкам
И в блеске дня и в тьме божниц,
И перед каждым грозным ликом
Мы робко повергались ниц.
Владыки гневные грозили,
И расточали гром и зло,
Порой же милость возносили
Так величаво и светло.
Но их неправедная милость,
Как их карающая месть,
Могли к престолом лишь унылость,
Тоской венчанную, возвесть.
Мерцал венец её жемчужный,
Но свет его был тусклый блеск,
И вся она была – ненужный
И непонятный арабеск.

Владык встречая льстивым кликом, –
И клик наш соткан был из тьмы, –
В смятённом тёмном и великом
Чертог её ковали мы.
Свивались пламенные лица,
Клубилась огненная мгла,
И только тихая денница
Не поражала и не жгла.
«Предметы предметного мира...»
Предметы предметного мира, –
И солнце, и путь, и луна,
И все колебанья эфира,
И всякая здесь глубина,
И всё, что очерчено резко,
Душе утомлённой моей –
Страшилище звона и блеска,
Застенок томительных дней.
От света спешу я в чертоги,
Где тихой мечтою дышу,
Где вместе со мною лишь боги,
Которых я сам возношу.
Бесшумною тканью завешен
Чертога безмолвный порог.
Там грех мой невинно-безгрешен,
И весело-светел порок.
Никто не наложит запрета,
И грубое слово ничьё
Не бросит внезапного света
На слово иль дело моё.
Я древних заклятий не знаю
На той стороне бытия,
И если я кровь проливаю,
То кровь эта – только моя.
«В овраге, за тою вон рощей...»
В овраге, за тою вон рощей,
Лежит мой маленький брат.
Я оставила с ним двух кукол, –
Они его сон сторожат.
Я боюсь, что он очень ушибся,
Я его разбудить не могла.
Я так устала, что охотно
Вместе бы с ними легла.
Но надо позвать на помощь,
Чтобы его домой перенести.
Нельзя, чтобы малые дети
Ночевали одни на пути.
«Зачем возрастаю?..»
«Зачем возрастаю? –
Снегурка спросила меня. –
Я знаю, что скоро растаю,
Лишь только увижу весёлую стаю,
Растаю, по камням звеня.
И ты позабудешь меня».
Снегурка, узнаешь ты скоро,
Что таять легко;
Растаешь, узнаешь, умрёшь без укора,
Уснёшь глубоко.
«Я любви к тебе не знаю...»
Я любви к тебе не знаю,
Злой и мстительный Дракон,
Но, склоняясь, исполняю
Твой незыблемый закон.
Я облёкся знойным телом,
Зной лучей твоих во мне.
Раскалён в калённом белом,
В красном часто я огне.
«Маленькие кусочки счастья, не взял ли я вас от жизни?..»
Маленькие кусочки счастья, не взял ли я вас от жизни?

Дивные и мудрые книги,
таинственные очарования музыки,
умилительные молитвы,
невинные, милые детские лица,
сладостные благоухания,
и звёзды, – недоступные, ясные звёзды!
О, фрагменты счастья, не взял ли я вас от жизни!
Что же ты плачешь, мое сердце, что же ты ропщешь?

Ты жалуешься:

«Кратким,
и более горьким, чем сладким,
обманом промчалась жизнь,
и её нет».

Успокойся, сердце мое, замолчи.
Твои биения меня утомили.
И уже воля моя отходит от меня.

«Лепестками завялыми...»

Лепестками завялыми
Ветер усеял дорожки в саду.
Медленно, шагами усталыми,
Отгорев, я иду.

Пламя таится в крови, копится,
Скоро опять оно будет сжигать,
И теперь мечта торопится
Сладкий аромат впивать.

О, мечта запоздалая,
О, моя безумная сестра,
Ты, как я, усталая, –
Прошла, отошла пора.

Если хочешь позднего счастья,
Обмани себя, зажги свой взор, как и я,
И сквозь холод бесстрастия
Вползёт огневая змея.

«Свободный ветер давно прошумел...»

Свободный ветер давно прошумел
И промчался надо мною,
Долина моя тиха и спокойна, –
А чуткая стрела

Над гордою башнею возвышенного дома
Всё обращает своё тонкое остриё
К далёкой и странной области
Мечты.

Уже и самые острые,
Самые длинные
Лучи

Растаяли в мгlistом безмолвии.

Туман поднимается
Над топкими берегами реки.
Усталые дети чего-то просят
И плачут.

Наступает

Моя последняя стража.
Дивный край недостижим, как прежде,
И я, как прежде, только я.

«Невинный цвет и грешный аромат...»

Невинный цвет и грешный аромат

□□□□□Левкоя

Пленительным желанием томят

□□□□□Покоя.

Так сладостно склоняться в полусне

□□□□□Под тенью

К желанному и радостному мне

□□□□□Забвенью, –

Простивши всё, что было в жизни злом

□□□□□И мукой,

Стереть и память даже о былом

□□□□□Разлукой.

«Столкновение бешеных воль...»

Столкновение бешеных воль,
Сочетание воплей и стонов...
Прокажённого радует боль,
Как сияние злого Дракона.
Он лицо поднимает к лучам,
Острупелые тянет он руки,
И смеётся жестоким бичам,
И приветствует дикие муки.
Утешает несносная боль,
Голос бешеной жизни отраден, –
И просыпалась жгучая соль
На сплетенье бесчисленных ссадин.
«Злой Дракон, горящий ярко там, в зените...»
Злой Дракон, горящий ярко там, в зените,
Протянувший всюду пламенные нити,
Опаливший душным зноем всю долину, –
Злой Дракон, победу ты ликуешь рано!
Я из тёмного, глубокого колчана
Для тебя стрелу отравленную выну.
Пред тобою с луком стану без боязни
Я, свершитель смелой беспощадной казни,
Я, предсказанный и всё ж неожиданный мститель.
Лук тугой стрела покинет с медным звоном.
Ты на вызов мой ответишь тяжким стоном,
Ты померкнешь, ты погибнешь, злой губитель!
«Два солнца горят в небесах...»
Два солнца горят в небесах,
Посменно возносятся лики
Благого и злого владыки,
То радость ликует, то страх.
Дракон сожигающий, дикий,
И Гелиос, светом великий, –
Два солнца в моих небесах.
Внимайте зловещему крику, –
Верховный идёт судия.
Венчайте благого владыку,
Сражайтесь с драконом, друзья.
«Печальный ангел земле принёс...»
Печальный ангел земле принёс
И розы крови, и жемчуг слёз.
Печальный ангел, зловещий взгляд!
Ты здесь не медли, – вот твой наряд.
Надень из злого земного ткань
Ты сам, – а нам сердце не рань.
Из роз кровавых надень венки, –
С тобой, не с нами разящий рок.
И жемчуг в бармы свяжи, сплети,
И в Божье небо лети, лети.
«Кто на воле? Кто в плену?..»
Кто на воле? Кто в плену?
Кто своей судьбою правит?
Кто чужую волю славит,
Цепь куя звено к звену?
Кто рабы и кто владыки?
Кто наёмник? Кто творец?
Покажите, наконец,
Сняв личины, ваши лики.
Но, как прежде, всё темно.
В душных весях и в пустыне
Мы немотствуем и ныне,
Цепь куя к звену звено.
Нет великого Владыки.
Празден трон, и нем дворец.
Опечаленный творец
Дал личины, отнял лики.
«Зелёный изумруд в твоём бездонном взоре...»
Зелёный изумруд в твоём бездонном взоре,
□□□□Что зеленело на просторе,

□□□□Замкнулось в тесный круг.
□□□□Мерцает взор зелёный, изумрудный, –
□□□□Мне кажется, что феей чудной
□□□□Прокинешься ты вдруг.
□□□□Уже не дева ты, – Зелёная царица,
□□□□И смех твой – звон ручья,
□□□□И взор зелёный твой – лукавая зарница,
□□□□□□Но ты – опять моя.
□□□□И как бы ты в траве ни затаилась,
□□□□И чем бы ты ни притворилась,
□□□□□□Сверкая и звеня, –
□□□□Везде найду тебя, везде тебя открою,
□□□□Зеленоглазая! Ты всё со мною,
□□□□□□Ты вечно для меня.
□□□□□□«Я к ней пришел издалека...»
□□□□Я к ней пришел издалека.
□□□□Окрест, в полях, прохлада.
□□□□И будет смерть моя легка
□□□□И слаще яда.
□□□□Я взоры тёмные склонил.
□□□□В траву роса упала.
□□□□Ещё дышу. Так мало сил.
□□□□Так жизни мало.
□□□□Туман восходит, – и она
□□□□Идёт, так тихо, в поле.
□□□□Поёт, – мне песнь её слышна, –
□□□□Поёт о воле.
□□□□Пришёл. Она ко мне близка.
□□□□В её очах отрада.
□□□□И смерть в руке её легка
□□□□И слаще яда.
□□□□«Зачем жемчуг–роса в траве?..»
□□□□Зачем жемчуг–роса в траве?
□□□□Зачем янтарь–луна ясна, бледна?
□□□□Из леса фея вышла. Не одна.
□□□□Но сколько их? Одна иль две?
□□□□Ночной ли рой прозрачнокрылых фей
□□□□Свивает мглу в волшебный круг,
□□□□И синих сколько в нём зарниц–очей?
□□□□И кто бы смел считать подруг?
□□□□Им счёта нет, – одна иль сто, –
□□□□И блещет свет, и плещет смех.
□□□□Но кто со мной в долине той? Никто
□□□□Дневной ночных не ведаёт утех.
□□□□«Белый мой цветок, таинственно–прекрасный...»
□□□□Белый мой цветок, таинственно–прекрасный,
□□□□Из моей земли, из чёрной ты возник,
□□□□На меня глядишь ты, нежный и безгласный,
□□□□И понятен мне безмолвный твой язык.
□□□□Ты возник из тьмы, моей мечте навстречу,
□□□□Ты зовёшь туда, откуда вышел ты, –
□□□□Я твоим вещаньям не противоречу,
□□□□К твоему дыханью наклонив мечты.
□□□□«День сгорал, недужно бледный...»
□□□□День сгорал, недужно бледный
□□□□И безумно чуждый мне.
□□□□Я томился и метался
□□□□В безнадежной тишине.
□□□□Я не знал иного счастья, –
□□□□Стать недвижимым, лечь в гробу.
□□□□За метанья жизни пленной
□□□□Клял я злобную судьбу.
□□□□Жизнь меня дразнила тупо,
□□□□Возвещая тайну зла:
□□□□Вся она, в гореньи трупа,
□□□□Мной замыслена была.
□□□□Это я из бездны мрачной
□□□□Вихри знойные воззвал,

И себя цепями жизни
□□Для чего-то оковал.
И среди немых раздолий,
□□Где царил седой Хаос,
Это я своею волей
□□Жизнь к сознанию вознёс.
«Благословляю сладкий яд...»
Благословляю сладкий яд
В моей росе благоуханной.
Чаруя утомлённый взгляд
Мечтой о родине желанной,
Цветок, струящий сладкий яд,
Обвеян дремою туманной,
И если яд разлит в росе,
В его слезе благоуханной,
И утешение в красе
Безумной и внезапно странной,
Благословен в его росе
По воле сладостно избранный.
В его отравленной росе
Благословляю жребий вольный.
К его таинственной красе,
Безумно злой и безглагольной,
Я устремляю думы все
В моей задумчивости дольной.
И тихо наклоняюсь я,
Грустя в задумчивости дольной,
К последним склонам бытия,
К пределам жизни своевольной.
Вот, жизнь безумная моя,
Сладчайший яд для смерти вольной.
«Мой друг, любовь неслышная...»
Мой друг, любовь неслышная,
К тебе любовь моя,
Нетканая, непышная
Одежда белая моя.
□□Она – моя...
Широкой тканью бытия
Невидная, неслышная,
Она всегда моя.
Звенят ли струи у ручья,
Поёт ли пташка вольная, –
Струя – Моя, и песнь – Моя.
Вся жизнь, и горня, и дольная,
□□Вся жизнь – Моя,
И потому она твоя.
Бессмертно безглагольная,
Всегда Твоя, везде – Моя.
«Шестиконечная звезда...»
Шестиконечная звезда
Напечатлелась на сапфире.
Она со мною навсегда
И в дольном, и в надзвёздном мире.
Её таинственны лучи,
И не во всяком повороте.
Когда увидишь их, молчи,
Но не забудь о дивном счёте.
Моё число навеки – шесть.
В нём бесконечность, свет и тайна.
Его таинственная весть
Всё удваивает не случайно.
Стремятся дивные лучи
Ко Мне и к Ней, к Моей невесте.
В тройном их блеске заключи
Все неразгаданные вести.
Люцифер человеку
Гармонией небесных сфер
И я заслушивался прежде,

Но ты сказал мне: «Люцифер!
Внемли земной моей надежде.
Сойди ко мне в вечерний час,
Со мной вблизи лесной опушки
Побудь, внимая томный глас
В лесу взывающей кукушки.
Я повторю тебе слова,
Земным взлелеянные горем.
Томясь тоской, не раз, не два
Я поверял их тихим зорям.
К твоим устам я вознесу
Мои вечерние отравы
И эту бедную росу,
Слезой ложась в травы».
И я пришёл в вечерний час,
С тобой, вблизи лесной опушки
Стоял, внимая томный глас
В лесу взывающей кукушки.
Закат был нежно тих и ал,
Поля вечерние молчали,
И я с волнением внимал
Словам земной твоей печали.
Когда в словах звучал укор, –
О, где вы, пламенные лики! –
Клонился твой усталый взор
К цветкам ромашки и гвоздики.
И я к земле твоей приник,
Томясь тоской твоею вешней, –
Да омрачится горний лик!
Да будет сила в скорби здешней!
Гармония небесных сфер
Да будет сказкою земною!
Я – свет земли! Я – Люцифер!
Люби меня! Иди за мною!
«Степь моя!..»
Степь моя!
Ширь моя!
Если отрок я,
Раскрываю я
Жёлтенький цветок,
Зажигаю я
Жёлтенький, весёленький, золотой огонек.
Ты цветков моих не тронь, не тронь!
Не гаси ты мой земной, золотой огонь!
Степь моя!
Ширь моя!
Если дева я,
Раскрываю я
Аленький цветок,
Зажигаю я
Аленький, маленький, красный огонёк.
Ты цветков моих не тронь, не тронь!
Не гаси ты мой ясный, красный огонь!
Степь моя!
Ширь моя!
Вею, вею я,
Раскрываю я
Жёлтенькие, аленькие цветки,
Зажигаю я
Золотые, красные огоньки.
Ты цветков моих не тронь, не тронь!
Не гаси ты мой красный, золотой огонь!
«Мечами скорби ты исколот...»
Мечами скорби ты исколот,
Но дни звенящие близки.
Не застоится вещей солод
В болоте мертвенной тоски.
Ключи вливают тонкий холод

В прохладу нежную реки.
Но ты прохладой не утешен,
Мечты к восторгам устремив.
Вода мутна, – водою взвешен
Надменных гор истёртый смыв:
Ещё недавно был так бешен
Её стремительный разлив.
Благослови закон природы,
Благослови паденье вод.
В стремленьи сил твоей свободы
Восход, паренье и заход.
Единой волей мчатся воды,
В Единой Воле – миг и год.
«Мы были праздничные дети...»
Мы были праздничные дети,
□□Сестра и я.
Плела нам радужные сети
□□Коварная Змея.
Стояли мы, играть не смея
□□На празднике весны.
У злого, радостного Змея
□□Отравленные сны
Хоть бедных раковин случайно
□□Набрать бы у ручья, –
Нет, умираем, плача тайно,
□□Сестра и я.
«Я должен быть старым...»
я должен быть старым,
И мудрым,
И ко всему равнодушным,
С каменеющим сердцем
И с презрительным взором,
Потому что Ананке,
Злая,
Открыла мне мой жребий:
Жить лишь только после смерти
Бестелесною тенью,
Лёгким звуком,
Пыльною радостью
Чудака книгочия...
А все же нагое тело
Меня волнует,
Как в юные годы.
Я люблю руки,
И ноги,
И упругую кожу,
И всё, что можно
Целовать и ласкать.
И если ты, милая,
Капризная, но вовсе не злая,
Хочешь моего ясного взгляда,
Моей светлой улыбки,
Моего лёгкого прикосновения, –
А что же больше я могу
Дать или взять? –
Знай, знай,
Мне ненавистно
Твоё нарядное платье
Скрипучего шелка
С жёлтыми кружевами,
И ароматный дар старого Пино,
И даже твои сквозные
Рукавички
С глупым и смешным названьем.
«Дышу дыханьем ранних рос...»
Дышу дыханьем ранних рос,
Зарёю ландышей невинных:
Вдыхаю влажный запах длинных

□□Русалочьих волос, –
□□Отчётливо и тонко
Я вижу каждый волосок;
Я слышу звонкий голосок
□□Погибшего ребёнка.
Она стонала над водой,
Когда её любовник бросил.
Её любовник молодой
На шею камень ей повесил.
Заслышав шорох в камышах
Его лады и скрип от весел,
Она низверглась вся в слезах,
А он еще был буйно весел.
И вот она передо мной,
Всё та же, но совсем другая.
Над озарённой глубиной
□□Качается нагая.
Рукою ветку захватив,
Водю заревою плещет.
Забыла тёмные пути
В сияньи утреннем, и блещет.
И я дышу дыханьем рос,
Благоуханием невинным,
И влажным запахом пустынным
□□Русалкиных волос.
«Вы не умеете целовать мою землю...»
Вы не умеете целовать мою землю,
Не умеете слушать Мать Землю сырую,
Так, как я ей внемлю,
Так, как я её целую.
О, приникну, приникну всем телом
К святому материнскому телу,
В озареньи святом и белом
К последнему склонюсь пределу, –
Откуда вышли цветы и травы,
Откуда вышли и вы, сёстры и братья.
Только мои лобзанья чисты и правы,
Только мои святы объятья.
Нюрнбергский палач
Кто знает, сколько скуки
В искусстве палача!
Не брать бы вовсе в руки
Тяжёлого меча.
И я учился в школе
В стенах монастыря,
От мудрости и боли
Томительно горя.
Но путь науки строгой
Я в юности отверг,
И вольною дорогой
Пришёл я в Нюрнберг.
На площади казнили:
У чьих-то смуглых плеч
В багряно-мглистой пыли
Сверкнул широкий меч.
Меня прельстила алость
Казнящего меча
И томная усталость
Седого палача.
Пришел к нему, учился
Владеть его мечом,
И в дочь его влюбился,
И стал я палачом.
Народную боязнью
Лишённый вольных встреч,
Один пред каждой казнью
Точу мой тёмный меч.
Один взойду на помост

Росистым утром я,
Пока спокоен дома
□□□Строгий судия.
Свяжу верёвкой руки
У жертвы палача.
О, сколько тусклой скуки
В сверкании меча!
Удар меча обрушу,
И хрустнут позвонки,
И кто-то бросит душу
В размах моей руки.
И хлынет ток багряный,
И, тяжкий труп влача,
Возникнет кто-то рдяный
И тёмный у меча.
Не опуская взора,
Пойду неспешно прочь
От скучного позора
В мою дневную ночь.
Сурово хмуря брови,
В окошко постучу,
И дома жажда крови
Приникнет к палачу.
Мой сын покорно ляжет
На узкую скамью.
Опять верёвка свяжет
□□□Тоску мою.
Стенания и слезы, –
Палач – везде палач.
О, скучный плеск берёзы!
О, скучный детский плач!
Кто знает, сколько скуки
В искусстве палача!
Не брать бы вовсе в руки
Тяжёлого меча!
Лунная колыбельная
Я не знаю много песен, знаю песенку одну.
Я спою её младенцу, отходящему ко сну.
Колыбельку я рукою осторожною качну.
Песенку спою младенцу, отходящему ко сну.
Тихий ангел встрепенётся, улыбнётся, погрозится шалуну,
И шалун ему ответит: «Ты не бойся, ты не дуйся, я засну».
Ангел сядет к изголовью, улыбаясь шалуну.
Сказки тихие расскажет отходящему ко сну.
Он про звёздочки расскажет, он расскажет про луну,
Про цветы в раю высоком, про небесную весну.
Промолчит про тех, кто плачет, кто томится в полону,
Кто закован, зачарован, кто влюбился в тишину.
Кто томится, не ложится, долго смотрит на луну,
Тихо сидя у окошка, долго смотрит в вышину, –
Тот поникнет, и не крикнет, и не пикнет, и поникнет в глубину,
И на речке с лёгким плеском круг за кругом пробежит волна в волну.
Я не знаю много песен, знаю песенку одну,
Я спою её младенцу, отходящему ко сну,
Я на ротик роз раскрытых росы тихие стряхну,
Глазки-светики-цветочки песней тихою сомкну.
«Всё было беспокойно и стройно, как всегда...»
Всё было беспокойно и стройно, как всегда,
И чванились горы, и плакала вода,
И булькал смех девичий в воздушный океан,
И басом объяснялся с мамашей грубиян,
Пищали сто песчинок под дамским башмаком,
И тысячи пылинок врывались в каждый дом.
Трава шептала сонно зелёные слова.
Лягушка уверяла, что надо квакать ква.
Кукушка повторяла, что где-то есть ку-ку,
И этим нагоняла на барышень тоску,
И, пачкающий лапки играющих детей,

Побрызгал дождь на шапки гуляющих людей,
И красили уж небо в берлинскую лазурь,
Чтоб дети не боялись ни дождика, ни бурь,
И я, как прежде, думал, что я – большой поэт,
Что миру будет явлен мой незакатный свет.

«Жизнь моя, змея моя!..»

Жизнь моя, змея моя!

От просторов бытия

К тесным граням жития

Перенёс тебя и я,

Воды хладные лия,

Вина сладкие пия,

Нити тонкие вия,

Струны звонкие бия, –

Жизнь моя, моя змея!

«Моею кровью я украшу...»

Моею кровью я украшу

Ступени, белые давно.

Подставьте жертвенную чашу,

И кровь пролейте, как вино.

Над дымной и тяжёлой чашей

Соединяйтесь, – я зову.

Здесь, в чаше, капли крови вашей,

А на ступенях я живу.

Обжѐг я крылья серафимам,

Оберегавшим древний храм,

И восхожу багровым дымом

К давно затворенным дверям.

Смелее ставьте ваши ноги

На пятна красные мои,

И умножайте на дороге

Багряно жаркие струи.

Что было древней, тёмной кровью,

То будет новое вино,

И молот, поднятый любовью,

Дробит последнее звено.

«Что было, будет вновь...»

□□Что было, будет вновь,

Что было, будет не однажды.

□□С водой смешаю кровь

Устам, томящимся от жажды.

□□Придёт с высоких гор.

Я жду. Я знаю, – не обманет.

□□Глубок зовущий взор.

Стилет остёр и сладко ранит.

□□Моих коснется плеч.

Приникнет в тайне бездыханной.

□□Потом затопит печь,

И тихо сядет ждать за ванной.

□□Звенящие струи

Прольѐт, открыв неспешно краны,

□□И брызнет на мои

Легко означенные раны.

□□И дверь мою замкнѐт,

И тайной зачарует стены,

□□И томная войдѐт

В мои пустеющие вены.

□□С водой смешаю кровь

Устам, иссохнувшем от жажды.

□□Что было, будет вновь.

Что было, будет не однажды.

Чѐртовы качели

В тени косматой ели,

Над шумною рекой

Качает чѐрт качели

Мохнатую рукой.

Качает и смеѐтся,

□□Вперѐд, назад,

□□Вперёд, назад.
Доска скрипит и гнётся,
О сук тяжёлый трётся
Натянутый канат.
Снуёт с протяжным скрипом
Шатучая доска,
И чёрт хохочет с хрипом,
Хватаясь за бока.
Держусь, томлюсь, качаюсь,
□□Вперёд, назад,
□□Вперёд, назад,
Хватаюсь и мотаюсь,
И отвести стараюсь
От чёрта томный взгляд.
Над верхом тёмной ели
Хохочет голубой:
«Попался на качели,
Качайся, чёрт с тобой».
В тени косматой ели
Визжат, кружась гурьбой:
«Попался на качели,
Качайся, чёрт с тобой».
Я знаю, чёрт не бросит
Стремительной доски,
Пока меня не скосит
Грозный взмах руки,
Пока не перетрётся,
Крутясь, конопля,
Пока не подвернётся
Ко мне моя земля.
Взлечу я выше ели,
И лбом о землю трах.
Качай же, чёрт, качели,
Всё выше, выше... ах!
«Под сенью тилий и темал...»
Под сенью тилий и темал,
Склонясь на белые киферы,
Я, улыбаясь, задремал
В объятых милой Мейтанеры,
И, затаивши два огня
В очах за синие зарницы,
Она смотрела на меня
Сквозь дымно-длинные ресницы.
В передзакатной тишине
Смирная пляска ярость Змея,
Она показывала мне,
Как пляшет зыбкая алмея.
И вся бела в тени темал,
Белей, чем нежный цвет кифера,
Отбросив скуку покрывал,
Плясала долго Мейтанера.
И утомилась, и легла,
Орошена росой усталой,
Склоняя жемчуги чела
К благоуханью азры алой.
«Ты – царь. Решёткой золотою...»
Ты – царь. Решёткой золотою
Ты сад услад своих обнёс,
И за решёткой золотою
Взрастил расцветы алых роз.
И сквозь окованные кольца
Благоуханные мечты
Глядят за скованные кольца
На придорожные цветы.
Ты за решёткою литою
Порой раздвинешь яркий куст.
Там, за решёткою литою,
Смеются розы царских уст.

Презрел широкие раздолья,
Вдыхаешь алый аромат.
Тебя широкие раздолья
Тоской по воле не томят.
«Пришла и розы рассыпаешь...»
Пришла и розы рассыпаешь,
Свирельно клича мертвеца,
И взоры страстные склоняешь
На бледность моего лица.
Но как ни сладки поцелуи,
Темны мои немые сны.
Уже меня колышат струи
Непостижимой глубины.
Багровые затмили тучи
Лобзаний яркие лучи,
И что мне в том, что ласки жгучи,
Что поцелуи горячи!
Лежу, качаясь в дивном чёлне,
И тёмный голос надо мной:
«Пора пришла, – обет исполни,
Возникла я над глубиной».
«Блаженство в жизни только раз...»
Блаженство в жизни только раз,
□□Безумный путь, –
Забыться в море милых глаз,
□□И утонуть.
Едва надменный Савл вступил
□□На путь в Дамаск,
Уж он во власти нежных сил
□□И жгучих ласк.
Его глаза слепит огонь
□□Небесных нег,
И стройно-тонкая ладонь
□□Бела, как снег.
Над ним возник свирельный плач
□□В пылани дня:
«Жестокий Савл! О, злой палач,
□□Люби меня!»
Нет, Павла Савлом не зови:
□□Святым огнём
Апостол сладостной любви
□□Восставлен в нём.
Блаженство в жизни только раз,
□□Отрадный путь!
Забыться в море милых глаз,
□□И утонуть.
Забыв о том, как назван ты
□□В краю отцов,
Спешить к безмерностям мечты
□□На смелый зов.
О, знойный путь! О, путь в Дамаск!
□□Безумный путь!
Замкнуться в круге сладких ласк,
□□И утонуть.
«Иди в толпу с приветливою речью...»
Иди в толпу с приветливою речью
□□И лицемерь,
На опыте всю душу человечью
□□До дна измерь.
Она узка, темна и несвободна,
□□Как тёмный склеп,
И тот, кто час провёл в ней неисходно,
□□Навек ослеп.
И ты поймёшь, какое врачеванье –
□□В окно глядеть
Из тьмы души на птичье ликование,
□□И сметь, и петь.
«Люби меня, люби, холодная луна!..»

Люби меня, люби, холодная луна!
Пусть в небе обо мне твой рог жемчужный трубит,
Когда восходишь ты, ясна и холодна.
На этой злой земле никто меня не любит.
Да будет ночь твоя в мерцании светил!
Отверженец земли, тоскующий и кроткий,
О, сколько раз во тьме я за тобой следил,
Любуясь твоей стремительною лодкой!
Потом я шёл опять в докучный ропот дня, –
И труд меня томил, и путь мой был бесцелен.
Твой свет в моей душе струился, мглисто-зелен.
Холодная луна, люби, люби меня!
«Вздыхалось облако пыли...»
Вздыхалось облако пыли,
Багровое, злое, как я,
Скрывая постылые были,
Такие ж, как сказка моя.
По улицам люди ходили,
Такие же злые, как я,
И злую тоску наводили
Такою же злую, как я.
И шла мне навстречу царица,
Такая же злая, как я,
И с нею безумная жрица,
Такая же злая, как я.
И чары несли они, обе
Такие же злые, как я,
Смеясь в ликующей злобе,
Такой же, как злоба моя.
Пылали безумные лица
Такой же тоской, как моя,
И злая из чар небылица
Вставала, как правда моя.
Змеиной, растоптанной злобе,
Такой же, как злоба моя,
Смеялись безумные обе,
Такие же злые, как я.
В багряности поднятой пыли,
Такой же безумной, как я,
Царица и жрица укрыли
Такою ж тоску, как моя.
По улицам люди ходили,
Такие же злые, как я,
Тая безнадежные были,
Такие ж, как сказка моя.
«Судьба была неумолима...»
Судьба была неумолима,
Но знаю я, – вина – моя.
Пройдите с отвращеньем мимо, –
И это горе вызвал я.
Я знал святое превосходство
Первоначальной чистоты,
Но в жизни воплотил уродство
Моей отравленной мечты.
Когда окликнулись впервые
Друг другу птичьи голоса, –
Когда на сказки заревые
Смеялась первая роса, –
Когда от счастья задрожала
Ещё невинная змея,
Вложил отравленное жало
В лобзанья уст змеиных я.
Я был один во всей природе,
Кто захотел тоски и зла,
Кто позавидовал свободе,
Обнявшей детские тела.
Один, жестокий и надменный,
На мир невзгоды я навлек.

Несовершенства всей вселенной
В веках лишь только мне упрёк.

«Был глаз чудовища нелеп...»

Был глаз чудовища нелеп, –
Костёр у берега морского, –
И было небо точно склеп
В доме художника седого.
И кто мечтал на берегу,
Огнём и пеплом зачарован,
Тот был опять в немом кругу,
В ночном кругу опять закован.

Над золотым огнём костра,
Ответом робкому вопросу,
Я видел, милая сестра,
Твою взметнувшую косу.

Блеснув унынью моему
Мгновенно ясною улыбкой,
Ты убежала снова в тьму,
Как будто ты была ошибкой,
Как будто здесь на берегу
Не надо яркого мельканья,
Ни огневого полыханья,
Ни смеха в пламенном кругу.

«Все эти ваши слова...»

Все эти ваши слова
Мне уж давно надоели.
Только б небес синева,
Шумные волны да ели,
Только бы льнула к ногам
Пена волны одичалой,
Сладко шепча берегам
Сказки любви небывалой.

«Я опять, как прежде, молод...»

Я опять, как прежде, молод,
И опять, как прежде, мал.
Поднимавший в небе молоты
Надо мною, задремал.
И с врагом моим усталым
Я бороться не хочу.

Улыбнусь цветками алыми,
Зори в небе расцветчу.
Белых тучек легкий мрамор –
Изваяний быстрых ряд.

Пена волн плескучих на море
Вновь обрадовала взгляд.

Я слагаю сказки снова,
Я опять, как прежде, мал.

Дремлет молния лиловая,
Громовержец задремал.

«Отчего боятся дети...»

Отчего боятся дети,

□□И чего?

Эти сети им на свете

□□Ничего.

Вот, усталые бояться,

□□Знаем мы,

что уж близкие грозятся

□□Очи тьмы.

Мурава, и в ней цветочки,

□□Жёлт, синь, ал, –

То не чёрт ли огонёчки

□□Зажигал?

Волны белой пеной плещут

□□На песок.

Рыбки зыбкие трепещут

□□Здесь у ног.

Кто-то манит, тянет в море.

□□Кто же он?

Там, где волны, на просторе
□□Чей же стон?
Вы, читающие много
□□Мудрых книг,
Испытайте точно, строго
□□Каждый миг,
Ах, узнайте, проследите
□□Всё, что есть,
И желанную несите
□□Сердцу весть!
Нет, и слыша вести эти,
□□Не поймёшь,
Где же правда в нашем свете,
□□Где же ложь!
«Был простор небес огромен...»
Был простор небес огромен,
А в лесу был воздух томен,
Благовонных полон смол.
Омрачённый думой строгой,
Кто-то шёл лесной дорогой,
За собой кого-то вёл.
Точно выходцы из гроба,
Шли они, молчали оба.
В струях воздуха текла,
Тяжела, как ладан дымный,
Все земные наши гимны
Растворившая смола.
«Прошли пред вами времена...»
Прошли пред вами времена,
Свершились знаменья и сроки,
И начертали письмена
На свитках пламенных пророки.
И в довершение чудесам
Страданья подвига подъямлю,
И, человеком ставши, сам
Пришёл на стынущую землю
Святые зерна божества
Вложить в двусмысленные речи,
Открыть законы единства
И тождества противоречий.
Освобождая от греха,
От лютых кар несовершенства,
Я в звоне каждого стиха
Дарю вам радуги блаженства.
«Хмельный, ельный запах смол...»
Хмельный, ельный запах смол
На дорогу вновь прольётся.
Снова небу тихий дол
Безмятежно улыбнётся.
Там, где берег над рекой
Обовьётся полукругом,
Я пройду с моей тоской
Над росистым, мгlistым лугом.
Я прильну к земле опять
В равнодушии усталом
Хоть немного помечтать
О нездешнем, небывалом,
И Божественная Мать
С лёгким, белым покрывалом
Мне подарит снова сны
Утешающей весны.
«Ликуй, звени, блести, мой лёгкий, тонкий стих...»
Ликуй, звени, блести, мой лёгкий, тонкий стих,
Ликуй, мой звонкий стих, о радостях моих.
Я кроткою мечтой тоску преодолел,
И сладко полюбил, и нежно пожалел.
И так люблю, губя, – и так, любя, гублю,
И, погубив, опять прильну, – и оживлю.

«Поняв механику миров...»

Поняв механику миров
И механичность жизни дольной,
В чертогах пышных городов
Мы жили общиной довольной,
И не боялись мы Суда,
И только перед милым прахом
Вдруг зажигались иногда
Стыдом и острым страхом.
Возник один безумец там,
И, может быть, уже последний.
Он повторил с улыбкой нам
Минувших лет смешные бредни.
Не понимая, почему
В его устах цветут улыбки,
Мы не поверили ему.
К чему нам ветхие ошибки!
На берег моря он бежал,
Где волны бились и стонали,
И в гимны звучные слагал
Слова надежды и печали.
Так полюбил он мглу ночей
И тихо плещущие реки,
Что мест искал, где нет людей,
Где даже не было б аптеки,
И, умирая, он глядел
В небесный многозвёздный купол,
Людей не звал и не хотел,
Чтоб медик пульс его пощупал.
Комментарии
Печатается по:

Сологуб Федор. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 5. Восхождения. Стихи. СПб.: Сирин, 1913.

Сологуб Федор. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 9. Змеиные очи. Стихи. СПб.: Сирин, 1913.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://sologubfyodor.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!